

The poster features a woman with long blonde hair in a light blue off-the-shoulder gown standing on the right. In the background, three men in medieval-style clothing are in a dynamic pose on a cobblestone street. One man on the left wears a black hat and boots, holding a large wooden mallet. The man in the center has a beard and wears a blue coat over a dark vest and red trousers. The man on the right is bald and wears a white open shirt and a blue sash. A small child with blonde hair in a white dress, holding a bouquet of pink and white roses, stands in the foreground. The background shows medieval buildings and a church spire under a warm, golden sunset sky.

КАТЕРИНА ЦВИК

ВОПРЕКИ СУДЬБЕ,
или В ДРУГОЙ МИР
ЗА СЧАСТЬЕМ

16+

Катерина Цвик

Вопреки судьбе, или В другой мир за счастьем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67911876

SelfPub; 2022

Аннотация

Что если одним недобрым утром вы обнаружили себя не в привычном комфорте, а на чужом, пусть и прекрасном берегу, в чужом, пусть и привлекательном теле? На этом плюсы закончились, разве что привязанность прелестной маленькой девочки можно записать в актив. Из минусов – похоть страшного пирата, который посягает на тело и свободу, полное непонимание реалий мира, в который попала, и до кучи – беременность "в наследство". Ну, последнее тоже сочтем за плюс. Хотя кто бы сказал, что со всем этим делать дальше?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	34
ГЛАВА 6	41
ГЛАВА 7	62
ГЛАВА 8	79
ГЛАВА 9	94
ГЛАВА 10	102
ГЛАВА 11	121
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Катерина Цвик

Вопреки судьбе, или В другой мир за счастьем

ПРОЛОГ

Голова кружилась. Казалось, что меня вертят на какой-то безумной карусели, но сойти с нее не было никакой возможности. Наконец, кручение достигло пика, и меня вывернуло. Причем соленой водой! От удивления даже удалось приоткрыть глаза. Но поначалу разглядеть хоть что-то не получалось: солнце слепило, я никак не могла проморгаться. А потом подумала, что просто сошла с ума. Нервный то ли смехок, то ли всхлип сорвался с губ и разбередил горло, которое саднило от соли.

А все потому, что я обнаружила себя лежащей на узкой полоске земли. Почти у самых ног плескалась вода, а над головой отвесной стеной вздымались скалы. И вот откуда у нас в городе было взяться подобной экзотике?

Я мысленно осеклась, потому что в памяти мелькнул пешеходный переход, вылетевшая на скорости из-за поворота машина, визг тормозов, удар и... и, собственно, все. Потом

все закружилось, будто в центрифуге, и я оказалась на этом безлюдном пляже.

Что со мной произошло?

Мысли скакали, словно блохи, и никак не получалось соединить последние воспоминания с тем, что я видела сейчас перед глазами.

Я попыталась сесть и только тут догадалась оглядеть себя. На мне было какое-то странное длинное платье, оно задралось почти до бедер, обуви на ногах не было, как и привычного педикюра с нежно-розовым покрытием, хотя я всегда старалась за собой следить вот в таких вот мелочах. После ухода мужа это почему-то казалось очень важным. Как говорится, мужья могут приходить и уходить, а за собой следить нужно всегда.

Я оперлась на локти и продолжила с подозрением рассматривать свои ноги. Соображалось как-то очень медленно и туго. И когда я поняла, что вижу перед собой вовсе не мои конечности, а какие-то другие, более узкие и изящные, мне окончательно поплохело. Голова снова закружилась, и прежде, чем потерять сознание, мелькнула паническая мысль – что случилось-то?!

Я пришла в себя от того, что кто-то бесцеремонно тыкал мне в плечо пальцем. Застонала и, не в силах разлепить глаз, попыталась отодвинуться.

Прямо над ухом раздался мужской голос, который явно о чем-то спрашивал. Я поняла это по интонации, а вот слов разобрать была не в силах – мужчина говорил на каком-то совершенно незнакомом языке.

Внезапно к моему и так ужасному самочувствию присоединилась головная боль, которая нарастала с каждым произнесенным им словом. Потом в голове что-то будто растянулось, следом сжалось, словно квадратное пытались пропихнуть в круглое (дико звучит, но почему-то все ощущалось именно так), и в следующее мгновение я услышала вполне понятную речь, хотя прекрасно осознавала, что мужчина продолжал говорить все на том же неизвестном языке:

– К знахарке ее отнести, что ли? Может, поможет. Если, конечно, эта болезня по дороге не помрет.

Хотелось возмутиться такой постановке вопроса. Я ведь все еще жива! Но в голове зашумело, и я потеряла сознание.

...В очередной раз я пришла в себя на широкой лавке у печи. Поначалу удивил запах трав, который окутывал меня плотным покрывалом, и я, поморщившись, открыла глаза. Пришлось хорошенько поморгать, прежде чем до меня дошло, что это не глюк и не сон, и я правда в самой настоящей избушке!

Непонятный звук заставил повернуть голову, и я увидела рядом за столом старушку, которая, перебирая какую-то

крупу, изредка что-то бурчала себе под нос. Она посмотрела на меня и выдала.

– Проснулась, болезная. – Я попыталась встать. – Да лежи уж! Нельзя тебе пока вставать, – отряхнула руки и, вытирая их о передник, встала и подошла к печи, где что-то помешала в горшке. – Сейчас бульон будет готов, покормлю тебя.

– Света в ваш дом, – просипела я и поняла, что у меня болит буквально все. А еще я безумно хочу... – Пить!

По мозгам вдруг ударило осознание, что вот это «света в ваш дом» – это «здравствуйте» на местный манер! А еще пришло понимание, что ответила я этой старой женщине во-все не на русском языке! Да и она обратилась ко мне на совершенно непонятной тарабарщине, которую я без проблем поняла!

– Угу... Пить, есть... А платить бедной старой Лианем кто будет? Развелось вас, болезных... – тихо пробурчала она себе под нос, но подошла к деревянному ведру, которое стояло у печи на стуле, и большим черпаком налила из него воды в глиняную кружку. – Держи. – Она помогла мне приподняться и напиться. – Ох и тощая же ты! И в чем только душа держится?

Старушка, которая и сама выглядела не так чтобы внушительно, продолжая бубнить себе под нос, помешивала варено, а я снова себя рассматривала. Я и раньше не была толстой, но сейчас руки казались веточками. Подняла лоскутное одеяло и осмотрела тело, которое было абсолютно голым. Да

это же тело совсем юной девушки! Меня прошиб холодный пот, я медленно опустила одеяло, борясь с подступающей паникой.

– Ну, чего глаза по фарлингу? Вся твоя одежда мокрая была. Насилу снять удалось, хоть ты и хилая совсем. Не мужиков же просить? А чистое на тебя натягивать у меня сил уже не хватило. Вон, на лавке ночная рубаха лежит.

Мне хотелось закричать – причем тут моя нагота?! Какая рубаха?! Это не мое тело!

А потом ушатом ледяной воды пришло осознание: а мое осталось под колесами автомобиля, водителю которого красный свет не причина остановиться.

Думать о себе вот так было странно.

Я закрыла глаза, переживая бурю чувств, и по вискам покатались слезинки.

Это что, высшие силы дали мне второй шанс? Зачем? Я ничем не отличаюсь от миллионов других женщин. Разве что тем, что «бракованная» – так меня назвал бывший муж, потому что я не могла иметь детей.

Но что взять с козла?

С этой мыслью я и провалилась в никуда.

ГЛАВА 1

Я сидела на старой покосившейся лавочке, прислонившись к стене дома знахарки, и подставляла лицо солнцу. Рядом кудахтали куры, за оградой паслась коза, а в сарае хрюкала свинья. Совершенно незнакомые пасторали и звуки для такой махровой городской жительницы, как я. Но отчего-то все они умиротворяли.

Прошло два дня с того момента, как меня принесли в этот дом, но на улицу я вышла впервые. Тело все еще ныло, но сегодня у меня хватило сил с помощью старушки выйти и пристроиться на лавочке. Мы с ней сошлись во мнении, что меня так потрепало, когда прибывало к берегу, и мне сказочно повезло, что голова почти не пострадала. Но количество синяков и ссадин впечатляло.

Словно из толщи воды, периодически всплывали чужие воспоминания, иногда расплывчатые, а порой такие четкие, словно мои. Хотя, в сложившихся обстоятельствах понятие «мои воспоминания» принимает слишком неточные очертания.

На вопросы Лианем кто я и откуда, отвечала – не помню. Но всполохи памяти подсказывали, что это тело носило имя, похожее на мое – Аника. И ее память подсказывала, что этот мир магический. Я словно сама видела выступление магов

на каком-то празднике. А вот кем была она сама, я так и не поняла. Это словно специально от меня ускользало.

Как и воспоминание о том, как она оказалась на безлюдном берегу. Лишь ощущение палубы корабля под ногами и качки, а потом толчок в спину, шипящий шепот, удар о воду, бесконечная борьба с волнами до бессилия и...

Вряд ли я смогла бы занять тело этой девушки, если бы ее душа не отлетела в Пресветлые чертоги.

Надо же, даже в мыслях иногда использую ее выражения!

Я вздохнула, отгоняя назойливые мысли, когда мое уединение нарушил грубый мужской голос:

– О! Откуда здесь такая милая пташка?!

Я открыла глаза и увидела, как в калитку входит бородач в расстегнутой рубаше, подпоясанный черным кушаком, за который заткнута здоровенная сабля. Он плотоядно оскалился, разглядывая меня, и смачно сплюнул, видимо, показывая, что заценил.

Меня передернуло, но я промолчала. Он подошел совсем близко и, продолжая меня рассматривать с головы до пят, снова сплюнул и спросил:

– Чья будешь?

– Своя собственная, – сдерживаясь, чтобы не наругать, процедила я.

Он на это заявление как-то противно усмехнулся и приблизился вплотную:

– Значит, ничья? – протянул руку с грязными ногтями и

хотел дотронуться до моего лица. От мужика пахло потом и перегаром.

Я от него шархнула и сильно приложила затылком о стену дома, искры посыпались из глаз, и я зашипела.

– Тарак? Что ты здесь забыл? – раздался настороженный голос знахарки.

– Ты бы со мной поласковой, старуха! – оторвал он, наконец, от меня взгляд.

– Ну-ну, так зачем пришел? – она с беспокойством поглядывала на меня.

– Да как обычно! В плавание мы уходим. Надолго... – он сощурился и бросил на меня очередной оценивающий взгляд. – Нужны твои травки и притирания. Сама знаешь – в море может случиться всякое.

– Ну кто бы сомневался! – и уже гораздо тише добавила. – Не грабили бы сами, и в море было бы спокойней. Пошли, – махнула она ему рукой, приглашая идти за собой в дом.

Я снова прикрыла глаза и прислушалась.

– А кто это у тебя на лавке сидит?

– Так пару дней назад мужики на берегу нашли. Неужто не донесли?

– Не донесли...

– Видимо, думали, что помрет, вот и не стали говорить, – заступилась за неизвестных доносчиков женщина. – А ты чего интересуешься? Видишь, совсем молодая и тощая, тебе ж другие девки нравятся!

– И что? – протянул он. – Сегодня нравятся одни, завтра другие. Ладно, не до девок мне сегодня, завтра с утра отплываем. Все собрала?

– Как обычно.

Послышался звон монет, и пират вышел на улицу. Бросил на меня нечитаемый взгляд и ушел со двора.

– Принесла же его нелегкая... – с досадой проговорила женщина и присела рядом со мной. – Не понравился мне его взгляд.

– А кто он такой?

– Морской разбойник. Присмотрел рядом с деревней пару лет назад удобную бухточку и третирует тут всех. Хорошо хоть появляется нечасто. Здесь у него, можно сказать, тайная берлога, – старушка сплюнула под ноги не хуже того пирата, чем привела меня в недоумение – не характерный для нее жест. – А-а-а хоть бы сгинул где, собака бешеная! – зло закончила она и, хлопнув себя по коленям, встала и быстро пошла в дом.

Я осталась сидеть, впитывая каждой клеточкой тела тепло утреннего солнца. Оно здесь совсем как у нас, а вот луна больше. Вчера вечером видела ее в окне. Думать о пирате и проблемах не хотелось.

Я вдохнула пропитанный йодом и солью воздух и внезапно почувствовала воодушевление. Почти эйфорию. Я жива, молода, здорова – что еще нужно, чтобы начать новую жизнь? И пусть вокруг чужой мир – я разберусь!

ГЛАВА 2

– Ци-и-ип-цип-цип! – ходила я по двору и призывала кур и цыплят на ужин.

Они с такой скоростью неслись ко мне из самых неожиданных мест, что я невольно рассмеялась, так забавно подлетали в этот момент их лапки. Я в очередной раз сыпанула из миски зерна и направилась за козой, которая паслась невдалеке от дома, который стоял на отшибе.

Единственный, о ком я волновалась из прошлой жизни – мой кот Барсик. Но все же была уверена, что соседка не оставит его в беде, а запасной ключ от моей квартиры у нее имелся. Родных и по-настоящему близких людей у меня не осталось. И только оказавшись на Алькоре, я поняла, как мало была привязана к Земле. Связующие нити рвались с ужасающей быстротой.

Прошла уже целая неделя, как я попала в этот мир, ссадины зажили, синяки почти сошли, а я сама набралась сил. Мне понравилось просыпаться с Лианем на рассвете и помогать ей по дому и с травами. Правду говорят: сов не бывает, это просто слишком уставшие жаворонки.

Со двора она меня не гнала, хотя периодически бурчала по этому поводу. Но она бурчала по любому поводу. Конечно, я понимала, что жить у знахарки – не выход, и мне нужно

что-то придумать, чтобы обустроиться в этом мире самостоятельно, просто пока не хотелось принимать такие судьбоносные решения. Кругом море, солнце, песок, умопомрачительные виды, и я просто не могла надышаться всем этим. Но самое главное – я хотела лучше разобраться в реалиях мира, в который попала. Мне было элементарно страшно покидать уютный маленький домик Лианем.

Деревенские на контакт шли не очень хорошо. Да и некогда им было со мной лясы точить? Пару кумушек, которые попытались меня расспросить, я явно разочаровала, заявив, что ничего о своей прошлой жизни не помню, да и не шастал народ без дела к знахарке.

– А ты класивая, – вырвал меня из раздумий детский голос, когда я уже отвязывала белую козочку.

Я обернулась и увидела за спиной маленькую чумазую девочку. Она была такой грязной, что я даже удивилась, где так можно извазюкаться?

– Привет, – поискала глазами взрослых, но никого не увидела, а дом знахарки далеко от деревни, чтобы отпускать такую малышку одну. – А где твоя мама?

Она насупилась:

– Мама в плесветлых чейтогах¹.

– О! Прости, – растерялась я, но все же задала еще один вопрос, – а папа?

– Папа уплый далеко-далеко, – она вздохнула, – и очень

¹ Пресветлые чертоги – рай.

давно. Мачеха говоит, что этот неудачник сгинуй где-то навсегда.

– Так и говорит – неудачник? – уж слишком странно было слышать от ребенка такие слова.

– Угу, – она шмыгнула носом, но потом заинтересованно уставилась мне за спину.

– Твоя козочка пошла искать водичку.

Я недоуменно обернулась и увидела, как отвязанная мной коза уверенно рысит куда-то прочь.

– Стой! – крикнула, не зная, что делать: то ли бежать за ней, то ли остаться с девочкой, все же в моем понимании такие маленькие дети не должны гулять одни.

Но коза явно была еще та коза, потому что лишь сильнее припустила прочь.

– А почему ты решила, что она пошла искать водичку? – подхватывая девочку на руки и решая таким образом дилемму, понеслась я следом за негодницей.

– Так она же пить хочет, – сказала, как само собой разумеющееся, и пожалала худенькими плечиками.

– Так ты тут совсем одна? – Она кивнула. – Не против, что я взяла тебя с собой?

– Нет, ты интелесная и светишься вот тут, как я, – и указала пальчиком куда-то в область солнечного сплетения.

– Ага... – пропустила я высказывание мимо ушей и побежала еще быстрее, потому что это дикое животное успело скрыться за холмом.

– Не беги. Она уже нашла водичку. Дальше не побежит.

– Ага, – неслась я изо всех сил. Не хватало еще козу проворонить! Лианем меня тогда точно со двора прогонит.

Выбежав на холм, я выдохнула: совсем недалеко и правда тек ручеек, у которого, помахивая белым хвостиком, пристроилась коза.

– Фух! – выдохнула и поставила девочку на землю. – И правда воду пьет! Пошли, я тебя умою, а то ты чумазая.

Она вложила свою маленькую ладошку в мою, и у меня в груди что-то екнуло – я когда-то мечтала вот так держать ручку своего ребенка! Но не судьба... Мы спустились с холма, и я принялась отмывать чумазую рожицу и руки ребенка.

– Эх, тебя бы помыть хорошенько! А то даже волосы непонятно какого цвета!

– Мачеха говорит, что такую свинью, как я, мыть бесполезно: все лавно челез пять минут опять глянзая буду.

– Ерунду твоя мачеха говорит! – обозлилась я. – Дети должны пачкаться! Но потом их нужно мыть! – Ручки девочки без мыла отмывались с большим трудом, столько на них было грязи. – Ты, вообще, когда последний раз руки-то мыла?

Она пожала плечиками.

– Руки всегда нужно мыть перед едой! Всегда! И с мылом! Иначе в животике могут завестись вот такие червяки! – я показала их длину.

Глаза девочки в испуге расширились, и она посмотрела на

свой животик, прикрытый грязной рубахой.

– Ладно, пошли, я тебя у Лианем помою, – у знахарки в доме было мыло, и оно точно справится с задачей лучше.

– Не пойду! – даже отскочила от меня девочка и спрятала руки за спину. – Мыло щиплется!

– Оно щиплется, когда попадает в глазки, а мы с тобой пока помоем только ручки, а потом Лианем угостит тебя хлебушком. Хочешь? – Девочка усиленно закивала. – А потом я отведу тебя домой. Идет? – последний кивок был не очень уверенным.

Я подхватила козу за веревку, взяла девочку за руку и направилась в обратный путь.

– Кстати, как тебя зовут?

– Лея, а тебя?

– А меня Аника, – улыбнулась я ей. – Будем знакомы.

ГЛАВА 3

Кто бы знал, как за эту неделю я успела возненавидеть сорняки! У меня складывалось стойкое впечатление, что они как минимум магические! Кажется, только закончила полоть одну грядку, как предыдущая уже начинает зеленеть новой порослью! Вот и получалось, что каждый день до самого обеда я только и занималась тем, что полола Лианем грядки. Я с ненавистью посмотрела на мокрицу в своих руках и откинула ее в общую кучку.

– Ты смешная, – рассмеялась рядом Лея.

Она теперь приходила к нам каждый день, стоило ее мачехе отвернуться. Хотя, по-моему, она и рада была избавиться от девочки. Уж очень было заметно, что женщина не любит бедняжку и еле терпит в своем доме. Да и помощи от девочки пока не было никакой.

А мне нравилось, когда она возилась рядом. Было приятно слышать ее смех и наблюдать, как забавно расширяются ее глаза, когда она узнавала что-то для себя новое.

– Почему это я смешная? – глядя на ее улыбающуюся рожицу, злиться сразу расхотелось.

– Ты же можешь им приказать! И они расти не будут! А так они думают, что тебе нравится, что они так быстро зеленеют, вот они и стараются, – за последнюю неделю активного

общения она почти перестала картавить. Очень умненькая и обучаемая девочка!

Я на это лишь покачала головой. Лея любила играть в такие игры, когда она будто слышала, чего хотят животные или растения.

– Если бы все было так легко, бельчонок, – вздохнула я, снова принимаясь за работу.

– А ты попробуй! Давай! – она потрянула кудрями, которые окутывали ее голову рыжим облаком.

Я посмотрела, как заблестели на солнце ее локоны, оглядела чисто выстиранную рубашу и подумала, что на это никакого мыла не жалко! И пусть Лианем долго кричала, что я извожу такой дорогой продукт на какую-то оборванку, но я все равно видела, что малышка ей нравится. К тому же я клятвенно обещала, что все ей возьму и отработаю.

Вот и отрабатываю...

– Хорошо. И как мне это сделать? – сдула я со лба выбившуюся из-под косынки прядку.

Девочка на несколько секунд задумалась, а потом уверенно кивнула и серьезно заявила:

– Пожелай!

Это выглядело так уморительно, что я невольно рассмеялась. Увидев по глазам ребенка, что на меня разобидятся, я тут же посерьезнела.

– Хорошо, я попробую. Только обещай мне, что тогда наденешь свою косынку!

Лея ни в какую не хотела ее надевать, хотя солнце припекло уже неслабо.

– Хорошо... Но только если у тебя получится! – тут же вывернулась она, и мне с большим трудом удалось сдержать улыбку. Ничем ее не проймешь! – Ну! Давай!

Я закатила глаза к небу и произнесла:

– Не расти! – посмотрела на девочку и увидела полный скепсиса взгляд.

– Это ты сейчас солнцу сказала?

– Эм... Действительно.

Я посмотрела на сорняки в своих руках, грязные от земли ногти, которые давно не знали маникюра, на сорняки, которые мне еще только предстояло выдолоть, и с чувством произнесла:

– Что бы все завяли!

Конечно, ничего не произошло, я пожала плечами и посмотрела на девочку:

– Вот видишь. Ничего не получается.

Но тут Лия подскочила на ноги, захлопала в ладоши и счастливо рассмеялась:

– Получилось – получилось!

Я недоуменно опустила голову и поняла, что... получилось...

– Это... как?

– Я же говорила! Ты такая, как я! – продолжала она радостно прыгать хлопая в ладоши. – Только длугая!

– Как это: другая? – в полном обалдении спросила я.

– Ну... – она перестала скакать и задумалась. – Вот я их понимаю, даже иногда могу о чем-то попросить – она показала рукой на растения, – а ты можешь просто говорить, чего от них хочешь.

– Как это?

– Не знаю, – снова пожала она плечиками и вприпрыжку понеслась к знахарке, которая вышла из-за дома.

– Бабушка Лианем, бабушка Лианем! У вас на грядках теперь сорняков не будет!

Я сидела на земле, потому что ноги от таких новостей не держали, и судорожно переосмысливала то, что только что произошло.

Знать, что в этом мире есть магия – это одно, а сотворить что-то невозможное самой – совершенно другое!

Тем временем Лея притащила ко мне за руку знахарку и снова выдала то, что раньше казалось мне просто увлекательной игрой, которую она для себя придумала. Ведь другие дети отчего-то ее сторонились, а чаще просто обижали.

– Вот! Это она! Захотела и – раз! Я же говорила, что у нее такое же солнышко вот здесь горит! – и оказала себе на солнечное сплетение. Лианем тоже явно была ошарашена. – У вас тоже солнышко есть, только очень маленькое, как искорка! – продолжала трещать она. – Чуть больше, чем та, что у Аники в животике! У нее ведь будет малыш, да?

ГЛАВА 4

Длинная металлическая игла в руках Лианем, больше похожая на огромное жало, отсвечивала бликами от расставленных по избушке свечей и лично у меня вызывала ужас. Я не могла смотреть на это орудие пытки и в этот момент почти ненавидела знахарку, ведь эта игла должна убить еще не родившегося ребенка! Жуть жутчайшая! Но только так тут справляются с нежелательной беременностью.

В памяти всплыл вчерашний разговор, когда я, ошарашенная сверх меры и все еще не в состоянии до конца все осознать и поверить, слушала увещевания Лианем.

– Аника, как же так?! Как же так-то?! Ребенок? Да как же ты сейчас с ребенком-то? И так чужачка, а с ребенком в подоле тебя точно никто замуж не возьмет! – она расхаживала по избушке и разве что руки не заламывала. – И ведь о себе ничего не помнишь! И помощи ждать неоткуда! Такая молодая! Девочка совсем! Нельзя! Нельзя тебе сейчас рожать!

Я же сидела с большущими глазами и не могла поверить: я беременна! Положила руку на совсем еще плоский животик, осознавая, что у меня там уже есть малыш, маленькая, недавно зародившаяся жизнь! Именно об этом я столько мечтала, просила у бога, плакала в подушку! И вот... Получила таким странным образом.

Оглядела себя. Да, молода, только семнадцать исполнилось. Да, чужой мир, о котором я еще ничего толком не знаю, не считать же эту маленькую рыбацкую деревушку его лекалом. И да, рожать без мужа и в нашем мире – тот еще квест на выживание, и не все на него решаются, но ведь рожают же. И растят, и находят счастье. А некоторые рожают таким мужьям, что приходится и его на своем горбу тянуть. И ничего, справляются. Чем я хуже? Тем, что и сама здесь еще на птичьих правах? А какая разница?

Конечно, я понимала, что разница огромна, и случись мне забеременеть на Земле, я бы даже не задумалась. Там у меня было все, чтобы справиться с трудностями, а тут...

Лианем все причитала и причитала о том, какие тяготы меня ожидают, что и деревенские от меня отвернутся, потому как нету у меня на запястье мужнего браслета, а значит точно нагуляла, и задирать начнут, и жизни не дадут мне и ребенку.

Я только кивала на ее уговоры, но чтобы убить своего ребенка... Раз уж высшие силы дали мне возможность его иметь, никогда от него не откажусь, как бы тяжело ни было. Я обязательно что-нибудь придумаю. Да и оставаться в этой деревушке точно не собираюсь.

– Ну что? Сегодня и будем избавляться от плода? Ты имей в виду: чем раньше это сделаешь, тем лучше!

– Что? – я, наконец, перестала кивать. – Ни за что! – вскочила с места. Хорошо хоть Лея на улице и не слышала всего

этого. – Я не буду избавляться от своего ребенка!

– Вот же упрямая ослица! Я же тебе все объяснила...

– И что? Придумаю что-нибудь. Справлюсь. А ребенка убивать не стану!

– Да о каком убийстве ты говоришь? Там еще ничего толком нету: писюлька не оформленная, а не ребенок! – почти кричала она.

– И тем не менее Лея уже видит его источник! – сказала я, чтобы привести для знахарки более весомый аргумент.

– Что увидела? – не поняла она и уперла руки в бока.

– Ну, то, что магия у него есть, как и у меня, и у вас тоже.

– Тьфу на тебя и на этот источник! Ты о себе подумай!

Какая тебя жизнь ждет?

А у меня перед глазами встала одинокая обустроенная квартира, жизнь, в которой хватало всего... кроме счастья быть матерью. Обреченность и пустота в душе.

И, смотря в глаза знахарке, я тихо, но уверенно сказала:

– Какая бы жизнь меня ни ожидала, я не убью своего ребенка, Лианем. Ни при каких условиях, – и в наступившей тишине вышла из дома.

Ни этим вечером, ни весь следующий день старушка со мной не разговаривала. Только хмурила черные с проседью брови и недовольно косилась. А вечером, когда уже стемнело, и мы успели поужинать, в дом постучались.

– Входи! Чего мнешься на пороге? Не заперто! – пробур-

чала Лианем, все еще в плохом настроении.

Дверь заскрипела, и на пороге появилась Фаина – мать Леи, еще молодая женщина, красоту которой не успела испортить непростая жизнь в рыбацкой деревне. Вместе с ней в дом вплыл запах рыбы. Видимо, как и все женщины, она целый день занималась тем, что потрошила добычу и натирала солью, подготавливая к сушке.

На этот раз ее лицо не выражало неприязни, как это было при нашем знакомстве, когда я привела Лею домой. Теперь на нем застыло совершенно непередаваемое сочетание настороженности, угодливости, страха и тоски.

– Лианем... Света в ваш дом. Тута такое дело... – она скосила на меня взгляд и опустила голову. – Тута так вот случилось... Мне это, того... нужна ваша помощь, ага... – она окончательно стушевалась и замолчала.

Я в очередной раз подметила, как отличается речь местных от того, как говорит знахарка. Ее речь гораздо правильнее, а то, как она держит спину, сразу дает понять, что она родом не из деревни.

– Ну, чего мнешься? Говори уж зачем пришла? Если за травками для приворота, так я еще раз повторю: нет у меня таких! Я знахарка, а не магичка!

Женщина снова стрельнула в меня глазами.

– Скажу, чего уж тут... Только того... пусть эта выйдет, – и кивнула в мою сторону.

Я просить себя не заставила и вышла, все равно ведь по-

том Лианем мне расскажет. Или нет? Одолело любопытство, и я пристроила ухо к неплотно закрытой двери. И если слов Фаины было не разобрать, то знахарка понижать голос и не думала:

– Что? Вытравить плод, значит, хочешь? И не жалко? Что? Не от мужа? Так оно и понятно, что не от мужа, ежели он больше года назад пропал, – очередное бормотание женщины, и Лианем, явно кивая в такт ее словам, сказала: – Да понимаю я все! Точно не женится?

– Да куда ж мне такой муж? – громко возмутилась молодка.

– Значит, в мужья он не годится, а по углам жаться – сколько хошь?!

– Да разве ж этим пиратам окаянным откажешь? – слышались всхлипы, а потом и рыдания.

– Ну ладно, не реви. Сейчас все сделаем, – и громко крикнула: – Аника!

Я оторопело стояла около двери и даже не сразу нашла в себе силы войти. Нет, я все понимала и даже не осуждала – кто я такая, чтобы кого-то судить? Но на душе скреблись кошки, хотелось войти и прокричать: что ты делаешь?! Однако, поглядев на женщину и прочитав в ее взгляде решимость и непреклонность, ничего не смогла сказать, только спросила:

– Ты уверена?

Она посмотрела на меня исподлобья и зло сверкнула гла-

зами:

– Не твое дело, чужачка!

– Аника, освобождай лавку от вещей да выволакивай ее в центр, ближе к печи, только стол сначала отодвинь, да, вот так. А я пока воду греться поставлю да свечи запалю.

За суетой, выполняя команды знахарки, я не сразу увидела, как она достала откуда-то огромную металлическую спицу и какие-то другие устрашающего вида инструменты. Меня бросило в пот. Видимо, Фаину тоже.

– А как же? Ну, травки там какие попить? Чтобы, значит, он сам того... выскочил? – ее голос дрожал.

– Сам выскочил, – передразнила ее знахарка, а потом резко сказала: – Нет у меня таких травок. Не растут они здесь. А те, что были, такие как ты уже давно у меня вытаскали. Раньше о травках думать нужно было, когда по мужикам бегала! Пришла бы раньше, я бы тебе такие дала, после которых не беременеют! Что, скажешь, не знала?

– Да знала! Только думала, что... не того... – зарыдала она.

– Ага, того и не того! Все беременеют, а ты думала, что пронесет?! Ох и дура! – со злостью произнесла Лианем, проклавая спицу на огне. – Ну что, не передумала? Тогда ложись.

– Пусть она выйдет! – истерически закричала Фаина.

Я смотреть на то, что сейчас произойдет, и не собиралась. Выскочила на улицу в лунную звездную ночь и пошла прочь

от дома. Оглушительно пели цикады, издалека доносился шум волн, призывая к умиротворению и спокойствию, а меня трясло. Я боялась даже представлять, что сейчас происходит в доме. В этот момент я искренне ненавидела Лианем.

Лишь немного отойдя от эмоций, начала рассуждать здраво. Это ведь не знахарка пришла с подобным предложением к Фаине, а та попросила о помощи. И если бы ей не помогла Лианем, она бы сама догадалась что-то такое вытворить. Только с какими последствиями? А Лианем... насколько я успела ее узнать, хорошая знахарка.

Меня несло и шатало из одной крайности в другую. Я не могла понять, как ко всему этому относиться и как вообще после всего жить в одном доме с Лианем.

Наконец, ноги снова привели меня к нему, я остановилась у забора, собираясь войти в калитку.

– Аника, – раздался из тени тусклый надтреснутый женский голос. – Помоги дойти до дома, а?

Я не сразу поняла, что этот голос принадлежит Фаине. Ее фигура отлепилась от забора и, пошатываясь, сделала шаг ко мне. Я тут же подскочила и подставила женщине плечо.

– Ты чего? Почему не осталась на ночь? Ты же на ногах еле стоишь.

– Не могу. Там не могу... Ты pomoжешь?

– Конечно, пошли.

Мы молча шли по освещенной луной дороге, вошли во двор, а потом и в дом. Я усадила Фаину на лавку и собралась

уходить.

– Останься, – внезапно прозвучал ее голос. – Выпей со мной. – Я замерла, не зная, что делать, но она приняла это за согласие. – Там посмотри, в углу бутылка вина стоит. Принеси. И свечу на столе запали, в печи еще угли тлеют.

Я увидела в углу глиняный бутыль и поставила его на стол. Нашла чашки, подожгла свечу. Фаина сама дрогнувшей рукой разлила напиток и тут же молча залпом выпила. Потом налила себе еще и снова выпила. Поморщилась и начала раскачиваться на лавке взад-вперед.

– Что смотришь? – внезапно зло спросила она. – Думаешь, я такая плохая, что ребеночка скинула? А я не плохая. Я еще жизнь свою устроить хочу! Я же еще молодая, а счастья все нет. Думала, выйду замуж, уйду из дома, где ртов больше, чем мисок на столе, и заживу. Но такую голытьбу, как я, только вдовец взять и решился. Ну, думаю, хорошо. Ведь и родителей у него давно нет, значит, полноправной хозяйкой в доме стану. А соплюшку эту его как-нибудь потерплю. Тем более мужик попался неплохой, работающий. Все в дом нес. Только сгинул он в море, не прошло и полгода – закончилось мое счастье. Мало того что самой о пропитании думать надобно, так еще и эта замарашка глаза мозолит и есть просит! А я одна! Мне что, разорваться, что ли? Думала, хоть пират этот, что прицепился, хоть что-то даст. А он только обрюхатил, скотина! – почти кричала Фаина. – И если б я родила, то ни один мужик в этой деревне на меня

больше и не посмотрел бы иначе как на срамницу²!

В комнате повисла гнетущая тишина. Наконец, Фаина снова потянулась к бутылке, налила себе вина. И демонстративно пододвинула мою нетронутую кружку ко мне.

– Это твое дело, как тебе жить, – наконец, ответила я, чувствуя дикую опустошенность и собираясь встать и уйти.

– Дети – это кандалы, – тихо проскрипела Фаина после того, как осушила еще одну кружку. – Если бы не эта замарашка, – ее язык уже знатно заплетался, – я бы уже давно уехала отсюда в соседнее село. Оно больше, там бы я точно нашла себе мужа. Приданое какое-никакое муженек мне оставил. – Она пьяно повела рукой, демонстрируя то, что нас окружало. – Только куда я подамся с ребенком на руках? Кому я такая нужна, а? Вот скажи? Кому?

– Себе. В первую очередь себе, – глядя на нетронутую кружку, ответила я тихо и безжизненно, – и своим детям.

Слушать пьяные излияния этой женщина становилось физически неприятно. Она же рассмеялась каркающим смехом:

– Своим детям! Где они, мои, а? Лейка, что ли? Или тот ублюдок, которого я скинула? Да какие они мне дети?! Это кандалы! От которых мне нужно избавиться! Кандалы, понимаешь ты? Ммм... – Она исступленно замычала, будто ее что-то изнутри раздирало. – Не могу ее больше видеть! Не могу! От своего избавилась, а ее растить должна! – тут она посмотрела на меня, и по ее губам пробежала злая усмешка.

² Срамница – проститутка.

ка. – Осуждаешь, да? Думаешь, что я дрянь? Только что бы ты сама делала с такими кандалами, а?

– Жила и радовалась. – Я встала, не в силах больше слушать этот пьяный бред. Не может нормальная женщина так рассуждать о своих детях! Завтра она проспится, и сама ужаснется сказанному и сделанному.

– Радовалась? – она снова неприятно расхохоталась. – Радовалась?! Так забирай эту замарашку и радуйся сколько душе угодно! – смех резко оборвался, и теперь уже она заговорила тихо и с ненавистью: – Только ты на словах такая вся чистенькая. А Лейка точно так же не нужна тебе, как и мне! А то нашлась тут добренькая тетя! Отмыла, видите ли, несчастную девочку, пригрела! А я из-за этого теперь перед всей деревней сущей темной выгляжу! Или забирай ее сейчас же, или из дому она больше ни ногой! А узнаю, что к тебе ходит – выпорю!

Я стояла, оглушенная таким ультиматумом. Что значит – забирай ребенка? Это же не собака и не кошка, чтобы вот так просто передать ее чужому человеку. Да и куда забирать-то? К Лианем? У которой и сама на птичьих правах обитаю?

– Лейка! – пьяно заорала она, не сводя с меня пристально-злорадного взгляда. – Лейка! Вставай, дрянь такая! Знаю ведь, что не спишь уже!

Из-за небольшого закутка за печкой выбралась взлохмаченная и испуганная девочка. Она судорожно прижимала к груди куколку из травы, которую я ей сделала вчера. Взгляд

ее метался от мачехи ко мне и обратно.

– Ну что, Лейка? Сейчас ты и узнаешь, что никому на самом деле не нужна! Что, думала, будешь и дальше бегать к доброй тетеньке, а потом жрать то, что заработала я? Нет, такого не будет. Что стоишь? – обратилась она снова ко мне. – Забираешь или нет? Ну?

Я посмотрела на Лею, глаза которой наполнились слезами. Она явно была напугана и не до конца понимала, что происходит. Но смотрела так, что внутри все переворачивалось. В горле стоял ком, его перехватило спазмом, и я поняла, что мне сейчас вряд ли удастся выдавить хоть звук. Фаина расхохоталась, злорадно, отчаянно, с издевкой. Ком никак не хотел проталкиваться, и я просто протянула девочке руку. Она потянулась ко мне и медленно вложила в нее свою маленькую ладошку.

Смех женщины резко оборвался.

– Смотри, обратно не приму! – Мы с Леей, не оборачиваясь, направились на выход. – Дура! Сама на себя кандалы надеваешь! – кинула она в меня словами, когда мы уже выходили из дома.

Я замерла на секунду и ответила:

– Мне тебя жалко, Фаина.

И мы с Леей покину ее дом.

К моему удивлению, Лианем при виде девочки ничего не сказала. Мы с Леей быстро умылись, почистили тряпочками с измельчённой корой зубы и улеглись ко мне на лавку. Ка-

кой бы узкой она ни была, мы на ней поместились. Девочка прижалась к моей груди спиной и совсем скоро уснула. Ко мне сон не шел.

– Аника, – раздался с печи бесконечно усталый голос знахарки.

– Да.

– Ты права. Не нужно ничего делать. Не хочешь, значит, не нужно. – В наступившей тишине раздался ее тяжелый вздох. – Я ведь знаю, что беру на себя большой грех перед Пресветлым. Только эти дурехи ежели не ко мне, так к какой лесной ведунье пойдут, а там совсем все плохо: и ребенка загубят, и сами следом отправятся. Лейка не зря сказала, что у меня есть крохи дара. С его помощью я помогаю таким вот дурехам не заболеть горячкой и не помереть.

Во мне боролось слишком много противоположных эмоций. Понять и принять действия знахарки удавалось с трудом. Но я понимала, что она права: не помоги им она, найдется другой способ, не такой безопасный. Да и что я знаю о реалиях этого мира? А потому все же ответила:

– Я... понимаю.

ГЛАВА 5

Как это ни странно, но Лианем приняла Лею. После того памятного дня, когда мы пришли с девочкой к ней в дом и та осталась ночевать, знахарка лишь раз на следующий день спросила, что это значит и надолго ли она у нас.

– Ох, Лианем, вы бы знали, что несла ее мачеха! Она ведь отдала мне девочку! Просто взяла и отдала! А вернее – заставила взять с собой. Понимаете, тогда я не могла ее оставить! Это было все равно что дать надежду, а потом отобрать и растоптать в этом маленьком человечке веру в людей, – я виновато склонила голову. – Я знаю, что не имею никакого права просить вас оставить у себя еще и Лею. Я даже не представляю, как расплачиваться с вами за свое спасение и ту помощь, что вы мне каждый день оказываете, но... – я опустила голову еще ниже и тихо продолжила: – Я не могу ее оставить или вернуть мачехе. Просто не могу. И если вы скажете нам уйти, то...

– Так! – остановила она мой лепет взмахом руки. – Хватит тут распинаться! Надо – живите! Я не против. Больше будет помощи, – и развернулась, чтобы уйти обратно в дом.

– Лианем! – в груди разливалось тепло и невероятная благодарность к этой старой женщине.

– Ну что тебе еще? – ворчливо спросила она и полуобер-

нулась.

– Спасибо! – искренне ответила я, а она только махнула рукой и отправилась дальше по делам.

Так мы и зажили втроем.

Что бы ни говорила мне Фаина, я не верила, что она так просто откажется от Леи. Я ждала ее на следующий день, через день и даже через неделю, но она так и не пришла за девочкой. Более того, по деревне поползли слухи, будто я дальняя родственница матери девочки, и раз уж попала сюда, хоть и таким странным образом, то решила забрать ее к себе.

Ага, к себе... Куда к себе? Звучало все это бредово. Да, собственно, в это мало кто и верил, как бы Фаина ни старалась всех убедить. Да и не похожи мы с Леей ни капли: ни цветом волос, ни чертами лица, ни разрезом глаз, ни формой губ. Меня пытались расспрашивать, а я... слух подтвердила. Хотя на вопрос, откуда это знаю, если ничего о прошлой жизни не помню, ничего путного придумать не смогла, сослалась на зов крови.

К моему удивлению, местные удовлетворились и этим. Подобное никак не укладывалось у меня в голове и однажды утром, когда мы со знахаркой собрались в лес за травами, спросила ее об этом. Лианем объяснила мне все просто: мы с Леей чужачки, а судьба чужаков местных не очень заботит, никто не хочет кормить чужой рот.

– Но ведь Лея для них не чужачка! – удивилась я.

– Ох, Аника. Для них останешься чужаком и через сто лет.

– Но вы ведь тоже не из этих мест, но вас уважают, и, я уверена, при необходимости за вас вступятся.

Она хмыкнула:

– Уважают. И побаиваются. Потому как кто еще будет их лечить в этой глуши? Только я исключение, и на вас с Леей оно не распространяется.

Несколько минут мы молча шли до поляны, на которой растут травы, ради которых мы с рассветом вышли из дома. До нее еще довольно далеко, и я переживала о Лее, которая до обеда осталась в доме одна. Но это уже не первый раз, когда мы вот так ее оставляем. Жизнь в деревне быстро приучает к самостоятельности даже маленьких детей. Брать же ее с собой в такую даль было нельзя – ребенок устанет быстрее, чем мы пройдем четверть пути.

Внезапно Лианем спросила:

– Неужели так заметно, что я не отсюда?

– Заметно... Мне заметно.

Снова помолчали.

– Ты права. Когда-то я жила в Бравеле, главном городе провинции Ливерия, что в двух неделях пути отсюда.

Я уже знала, что государство, в котором я очутилась, называется Аллирия. Оно поделено на несколько провинций, и меня занесло в Варнев.

Мы обошли небольшой овраг, стараясь не нацеплять на

юбки репей, и старушка снова заговорила:

– Сейчас кажется, что все это было не со мной. Я тогда молодая была, – она с грустью на меня посмотрела. – Такая, как ты, наверное. Любила работать с отцом в губернаторской оранжерее, знала о цветах все. А какие выращивала розы! Сама леди Розалинда, жена губернатора, приходила ко мне и спрашивала, что я для этого делаю...

Мы остановились немного передохнуть, я прислонилась к широкому стволу дерева, каких в нашем мире и не видела, и привела по его шершавой коре ладонью. Лианем глубоко ушла в воспоминания, опершись на свой походный посох. На ее лице блуждала улыбка.

– ...А потом появился он: молодой лорд Варнинг. Я тут же в него влюбилась. Такой красивый, веселый, благородный... Вокруг него всегда вились такие же благородные леди. Но он обратил внимание на меня – так мне тогда казалось. – Она грустно усмехнулась. – Это я потом поняла, что он мне улыбался, чтобы я ему цветы покрасивее срезала, а потом в нем просто азарт разыграл: я ведь ни под каким предлогом не соглашалась в какой-нибудь каморке покорно пасть в объятия столь прекрасного кавалера. Где ему было понять, что я просто берегла себя для единственного, женой которого мечтала стать? А когда я ему об этом заявила, рассмеялся. Это меня жутко ранило, ведь я, глупая, надеялась, что именно он станет этим единственным. Где была моя голова? Ведь родители не раз втолковывали, что благородный никогда не женится

на простолюдинке, пусть даже и с зачатками магии. Если бы он тогда отступился, моя жизнь была бы совершенно другой, более счастливой и легкой...

Женщина тяжело вздохнула и продолжила путь, я же молча последовала за ней, боясь неосторожным словом спугнуть эти откровения.

– ...Молодой виконт слишком любил получать все, что пожелает, даже если это неприметная садовница. Однажды он пришел ко мне и... позвал замуж. Я обрадовалась. Ты бы знала, как я тогда обрадовалась! Вот только потом он добавил, что его родители будут против этого мезальянса, а потому единственный способ пожениться – это сбежать и обвенчаться в каком-нибудь селе в храме Пресветлого. Так и оказалось, что я, никому ничего не сказав, сбежала из дома. Эх, дуреха, даже с сестрами не поделилась! Ведь обещала ему... Только вот до храма мы так и не доехали. Остановились по дороге в каком-то трактире, а там «только один свободный номер». – Она грустно на меня посмотрела, но было видно, что у нее уже давным-давно все переболело, и сейчас она просто делилась своей историей. – Трудно ли уговорить влюбленную девушку, которая уверена, что ее благородный возлюбленный завтра на ней женится? – Ответа, конечно, не требовалось, и она, помолчав, продолжила: – А утром он, ничего не говоря, просто отвез меня обратно. Не буду тебе рассказывать, что меня ожидало дома, – невесело усмехнулась, – но со временем родные смягчились, когда поняли, в

какое глухое отчаяние я впала. Честно говоря, следующие несколько месяцев я помню с трудом. Кажется, что-то ела, спала, что-то делала. Предательство ударило по мне слишком сильно. Еще оказалось, что я беременна и на таком сроке, что избавляться от дитя поздно. Апатия слетела сразу, только вот сестры... Они ведь младше меня и совсем скоро должны были войти в пору замужества, а тут такой позор для семьи, на них бы никто и не посмотрел после такого. И так уже ходили неприятные слухи обо мне – виконт ни от кого ничего и не думал скрывать. В общем, отец мне дал денег, сколько мог, посадил в караван и отправил подальше с глаз к какой-то его дальней родственнице. И путь наш лежал по границе с государством Гургунов. Хотя какое там у них государство? Одно слово – кочевники! Вот они-то на караван и напали и всех, кто остался после этого в живых, угнали в рабство.

– И вас? – ужаснулась я.

– И меня, – тихо ответила женщина и надолго замолчала. Я уже думала, что рассказ на этом окончен, как она продолжила: – У них я и научилась разбираться в травах – помог опыт в оранжерее и слабенький дар. Часто только это умение и спасало таких же рабов, как я, от неминуемой смерти. Через пять лет мне удалось бежать.

За этими короткими фразами крылось столько, что у меня волосы на голове зашевелились. Ведь она не сказала, ни куда делся ее ребенок, ни что она делала в плену, ни как с ней

обращались. И уточнять и переспрашивать я точно не стану. Но, зная о нравах кочевников нашего мира, можно понять очень многое.

– Вот так я и оказалась здесь, в этой деревне.

Я шла, пытаясь проглотить горький ком в горле. Наконец, спросила:

– Лианем, а вы не пытались вернуться?

– Куда? – искренне удивилась она. – В Бравель? – потом помолчала и добавила: – Из Бравеля уходила одна Лианем, а вернулась бы совершенно другая. Для этой, другой, подходит вот эта глухая деревня, и нет хода в прошлое, – закончила она.

Я поняла, что больше эта тема подниматься не будет.

В тот день мы вернулись позже, чем планировали. Было видно, что знахарке тяжело дался этот день. И кажется мне, что не в последнюю очередь из-за настигших ее воспоминаний.

ГЛАВА 6

Море под скалой, на которой я сидела, мерно билось о нее, расслабляя и даря умиротворение. Звезды на небе сияли и манили таинственной и притягательной красотой. Соленый бриз обдувал лицо. Казалось, что я сижу не на скале, а на вершине мира. Дышалось легко и свободно, было ощущение, что все проблемы такие мелкие и неважные на фоне прекрасного огромного мира, что и задумываться о них не имеет смысла.

И я позволила себе несколько минут просто любоваться окружающей меня красотой.

Однако долго наслаждаться легкостью, которое дарило это место, не получилось. Мысли так и норовили возвратиться к тому, что происходило последнее время.

Я уже два месяца живу в этом мире. Токсикоз меня не мучил, а сама я слегка округлилась в стратегически важных местах и снова ощущала себя красивой – в суе и заботах там, на земле, я утратила это чувство. Сейчас же я ловила на себе заинтересованные взгляды местных мужчин, хоть и не понимала, что они умудрялись разглядеть под мешковатым платьем, которое мне выделила знахарка. Мое, как она сказала, для этих мест не подходит, и просто спрятала его в сундук.

Внимание местных мужчин меня мало вдохновляло – слишком уж они заросшие и угрюмые, и поначалу я их побаивалась, – но тешило мое женское самолюбие.

В деревенскую жизнь я погрузилась с интересом. Конечно, мне адски не хватало нормального туалета, привычной плиты и стиральной машины, да и вообще очень многих вещей, но я училась жить в новых реалиях. Особенно тяжело было приноровиться к печке. Оказалось, что проблема не только правильно ее затопить, но и готовить так, чтобы ничего не сжечь и сделать вкусно. И это, по моему убеждению – целое искусство! Ведь за тем же хлебешком здесь в магазин не сбегаете, все нужно готовить самой, не забывая постоянно обновлять опару.

Мы с Лианом пекли один раз в неделю сразу семь буханок. Она рассказала, что у них в деревне есть обычай называть каждую согласно дню недели³ и есть булки только в свои дни. Это, скажу я вам, определенная дань уважения хлебу. И неудивительно, ведь чтобы его испечь, нужно соблюсти целый ритуал. Одна опара должна готовиться в течение всей недели, и если ее загубить, то можно остаться и без хлеба. Конечно, можно попросить опару у соседей, но для любой хозяйки это считалось не очень хорошим признаком, чуть ли не сглазом, а народ тут мнительный и суеверный.

Спасибо Лианом – всему меня учила, правда, не без вор-

³ Обычай печь хлеб на всю неделю и называть его по дням недели в некоторых местах был и в нашем мире, на Земле.

чания, а пару раз так и вовсе из избы выгоняла, чтобы не переводила продукты, но сейчас я уже освоилась с печью и этим гордилась!

С деревенскими все тоже пошло на лад. По крайней мере, ко мне относились вполне благосклонно. Даже взяли в местную женскую артель, которая состояла из одиноких старух и вдовиц. Все-таки Лианем со своими возможностями нас зимой не прокормит. Эта артель занималась тем, что более молодые женщины в небольших лодках выходили недалеко в море и ловили рыбу, а те, кому это уже не под силу, занимались ее заготовкой. В море меня пока не пускали – я помогала на берегу и была этому даже рада.

У артели было и небольшое пшеничное поле, и огород, только меня туда пока не допускали – я не принимала участия в пахоте и севе, и делиться со мной урожаем не хотели.

В этой артели работала и Фаина, но со мной она старалась не общаться и вообще сторонилась.

Один раз на какой-то местный праздник мы ездили в соседнее село. Оно по местным меркам считалось большим и имело свой Храм Пресветлого. Лианем с нами не поехала – она всю эту суету не любила.

Мне поездка запомнилась нескончаемым гомоном и одной неожиданной встречей.

Артельские женщины продали заезжим купцам немного рыбы, и мне перепало несколько нисов⁴, на которые я купи-

⁴ Фарлинг – золотая монета; линг – серебряная монета; нис – медная монета.

ла для Леи сладкий крендель и кое-какие мелочи, нужные в хозяйстве. Девочка была в восторге, без конца улыбалась и заряжала своим позитивом, словно солнышко. Она держала меня за руку и с гордостью вышагивала рядом.

– Лея? Ты ли это, малышка? – раздался из толпы мужской голос, и к нам вышел незнакомый бородач. – Что? Не помнишь дядюшку Леба? И немудрено, в прошлом году ты была совсем крошкой. Доброго дня! – это уже мужчина обратился ко мне. – А где родители Леи?

Я растерялась от такого напора и неожиданности.

– Папа погиб в море, – вместо меня ответила Лея, тут же погрузнев.

– Ох... – мужик посерьезнел. – А Фаина, твоя мама?

– Фаина больше не моя мама, – прямо глядя ему в глаза, ответила девочка.

У мужика от таких слов брови поползли на лоб. У меня самой подобное из уст маленькой пятилетней девочки вызвало оторопь.

– Извините, – попыталась я сгладить ситуацию, – я родственница настоящей матери Леи и с разрешения Фаины забрала ее к себе. – Мужик переводил недоумевающий взгляд с меня на Лею и, видимо, никак не мог уложить эти новости в голову. – Извините, нам пора.

Я вежливо улыбнулась и потащила Лею к повозке, на которой нас привезли. Такой замечательный день был омрачен. Но деревенские домой еще не собирались, маячить у пово-

зок не было никакого смысла, и мы вернулись на базар. Лея умудрилась познакомиться с каким-то мальчишкой, и они побежали что-то рассматривать у забора. Потеряться здесь было невозможно, и я за нее не волновалась. К тому же ее рыжую шевелюру без труда можно заметить среди темных макушек местных.

– Девушка, мы можем поговорить?

Я вздрогнула от прикосновения к своему локтю и обернулась. Рядом стоял тот мужик, что узнал Лею.

– Господин Леб? – припомнила я его имя.

– Да, а как тебя зовут?

– Аника.

– Так вот, Аника, нам нужно переговорить. – И настойчиво куда-то меня потащил. Хорошо хоть недалеко, к пустующим телегам, где было поменьше народу. После чего остановился и, пристально глядя мне в глаза, спросил. – Кто ты такая, Аника?

– Что? – изумилась я такому вопросу.

– Я спрашиваю, кто ты такая? Я знал мать Леи, и ты на нее похоже так же, как и я, – и так сжал мой локоть, что, наверное, останутся синяки.

– Знаете, вы первый, кто этим по-настоящему заинтересовался. – Я вырвала у него свой многострадальный локоть. – Не нужно меня держать, все равно бежать мне некуда. – Я огляделась в попытке найти более удобное место для беседы, но все лавочки были заняты, и, вздохнув, оперлась на теле-

гу и поправила косынку, которая немного сбилась. – Господин Леб, я и правда не имею никакого отношения к матери девочки, более того, чужачка здесь и даже не помню своего прошлого. Всего несколько месяцев назад меня нашли на берегу недалеко от деревни, где живет Лея. Ничего до этого мгновения я из своей жизни не помню.

– Как это? А чего ж тогда назвалась родственницей Леи? – подозрительно глядел на меня он.

– Ее мачеха посчитала, что так девочке будет лучше, и отдала ее мне и сама и придумала мое с ней родство.

– То есть как – отдала? – брови мужчины по мере моего рассказа поднимались все выше и выше.

– А вот так! – я развела руками. – Я просто привязалась к девочке и немного ей помогла, а Фаина увидела в этом ущемление ее материнских прав и сказала: либо я забираю девочку, либо она запретит Лее со мной видеться. – Вопрос из глаз мужчины не уходил, и, вздохнув, я вывалила на него правду-матку. – Вы бы видели малышку на момент нашей встречи! Еще немного – и она бы превратилась в волчонка! В деревне ее почему-то не любят, дети шпыняют, а мачеха вообще не обращала внимания!

Леб смотрел на меня непонятым взглядом: то ли как на дуручку, то ли врушку, то ли святую. Он явно сам еще не определился.

– И ты ее забрала только поэтому?

– А почему я еще могла ее забрать, господин Леб?

Он почесал бороду, а я вдруг поняла, что он еще совсем не стар. Может, чуть больше тридцати. А поначалу показалось, что гораздо старше. Эта его борода и немного лишнего веса сбивали с толку.

– Н-да. Не думал я, что с Калемом такое может приключиться. Конечно, сразу было видно, что Фаинка та еще стерва, но чтобы так обойтись с его ребенком... – мужчина очень расстроился.

– Вы ее не судите слишком строго. Сами знаете, одной женщине в деревне непросто, а тут еще ребенок.

Леб посмотрел на меня и внезапно усмехнулся:

– А тебе, значит, сироте беспамятной, легко?

– Ну-у... – я спрятала глаза. – Мне Лианем, знахарка наша, помогает. Если бы не она, я и не знаю, что бы делала.

– Ладно уж. Пошли, что ли, я вас с Леей накормлю в таверне, – внезапно предложил он.

– Спасибо! Но у нас все есть. – Мы и правда взяли с собой перекус, да и неудобно как-то было обедать с малознакомым мужчиной.

– Ничего, потом съедите! Лея! – позвал он девочку, которая уже крутилась неподалеку, и повел нас в таверну.

Спорить не стала. Мне очень хотелось расспросить его о родителях Леи, и за столом это сделать гораздо сподручней. Да и аппетит разыгрался не на шутку.

Людей в таверне оказалось много, но свободной стол все же нашелся. Здесь в основном обедали приезжие купцы, со-

провождавшие их воины и зажиточные селяне из окрестных деревень. Такая голь перекатная, как мы с Леей, предпочитали не тратиться и брать еду с собой, но раз уж нас так настойчиво хотят угостить...

Леб сделал заказ. Разносолами здесь не баловали, и обеденное меню для всех было одинаковым.

– Простите, господин Леб, но мы с Леей совершенно не знаем, кто вы такой. Понимаю, вы друг ее отца, но хотелось бы узнать о вас чуть больше.

Лея залезла ко мне на колени и положила голову мне на грудь, рассматривая мужчину.

– Конечно! Со всеми этими новостями я совсем забыл о приличиях. Меня зовут Леб по прозвищу Хромой.

Я уже знала, что у простых людей тут нет фамилий, но со временем каждый получает прозвище. В городах уже появлялись фамилии, но до этой глуши это еще не дошло.

– Но насколько я успела понять, вы не хромаете, – удивилась я.

– Да, но на воинской службе в первой же пустяковой стычке мне не повезло сломать ногу, и я некоторое время хро-мал. Вот и получил прозвище, – он улыбнулся. – Тогда же я познакомился с Калемом, отцом Леи. Мы долгое время служили вместе. Лет шесть-семь назад он был ранен и ушел с военной службы. Как и где он познакомился с Шеей, мать-рю Леи, я не знаю, но к тому моменту, как я сам вернулся два года назад в свое село, они уже жили в деревне в доме,

который остался ему от родителей и воспитывали эту милую девочку. Калем подался в рыбаки, а я пытаюсь торговать по-немногу.

– А почему вы больше не захотели быть военным? – внешне поинтересовалась Лея.

Мужчина невесело усмехнулся.

– Тоже из-за ранения. Левая рука еле двигается. Ничего тяжелее гвоздя ею держать не могу, – он посмотрел на свою руку, что лежала на столе, и сжал ее в кулак. Было видно, что силы в пальцах нет. – М-да... вот так... – уголок его рта дернулся.

– Главное, что вы живы, а руку еще разработаете, – подержала я мужчину. – Пальцы у вас двигаются, значит, силу еще можно вернуть. Вам бы нечто вроде эспандера постоянно рукой сжимать...

– Какого эскадера? – не понял мужчина, а я чуть себя по лбу не ударила. Откуда здесь его взять? А чем заменить, даже не представляла.

– Ну, вам нужно постоянно нагружать руку, сжимать в пальцах что-то упругое, чтобы мышцы работали.

– Ты знахарка? – удивился он.

– Нет, что вы, – улыбнулась я. – Просто откуда-то знаю, что так будет правильно, только откуда – не помню.

Да уж, вот и пригодилась амнезия.

Нам принесли заказ и перед каждым поставили по тарелке с вареным картофелем и жареной рыбой. Рыба здесь вообще

основа рациона, а мне в последнее время так хотелось побольше мяса! Вообще же, на удивление, продукты в этом мире были практически как на Земле, что наводило на мысль, что это какая-то параллельная реальность.

На некоторое время беседа остановилась. Стол для Леи был высоковат, и она так и осталась сидеть у меня на коленях. Мужчина уминал обед и задумчиво на нас поглядывал.

Кормили здесь неплохо. Жаль только вилки тут не придумали, а потому часто пользовались ножом или руками. Хорошо хоть руки перед едой мыли, но все равно смотреть, как Леб после еды облизывает пальцы, было не очень приятно. Лее так делать я запретила, и малышка даже обиделась из-за этого.

– Так вы сейчас у Лианем живете? – прервал молчание Леб, прихлебывая ягодный взвар.

Мне напиток понравился, а Лея выпила целую кружку чуть ли не залпом и поглядывала на мою.

– Смотри не описайся, – подшучивая, с улыбкой шепнула я ей на ухо и отдала свою порцию. – Да, она приютила меня, а потом и Лею. Удивительной души женщина. Не знаю, что бы без нее делала, – ответила я мужчине.

– Угу, – что-то припоминая, усмехнулся он и сделал очередной глоток. – А когда обратно едете?

– Не знаю, как деревенские со всем управятся, так и поедем, – пожала плечами.

– Это где-то через пару часов, – что-то прикинул он в

уме. – Что ж, тогда я вас еще до отъезда найду, а пока извиняйте, но мне нужно идти, – проговорил он, вставая и выкладывая на стол монеты.

– Да, конечно...

Лея как раз допила мой взвар, и мы тоже направились на выход. Ходить по торговым рядам уже не хотелось, поэтому мы пошли к своей телеге и присели на травку в ее тени. Не прошло и пяти минут, как подошли две молодки из нашей деревни и, щелкая семечки и красноречиво на меня косясь, начали беседу.

– У некоторых ни стыда, ни совести!

– И не говори! – забросила одна из них семечку в рот. – Впервые мужика увидала, а уже с ним по тавернам шляется! У меня от такого брови на лоб поползли.

– Ага, интересно, что она ему за это наобещала? – выплевывая шелуху, спросила другая.

– Так знамо что, – усмехнулась первая. – Что эта чужачка еще предложить-то может?

– Ага, остается только удивляться, на что этот однорукий клюнул-то?

– И не говори, – очередное щелканье семечками, – кожа да кости, и ухватиться-то не за что.

И вот сижу я оплеванная, при чем буквально – шелуха чуть не на голову падает, – а ответить не могу. Подскочи я сейчас и возрази, так они скажут, что не меня имели в виду, а может, драться полезут или прилюдный скандал учинят. Я

уже ничему не удивлюсь. А я беременна, мне такие встряски ни к чему.

Внезапно сидящая рядом Лея подскочила и, подхватив ближайший камушек, запустила в них. В ее темных глазах плескались злость и обида. Эти двое тут же подняли крик, а я ухватила девочку за руку и потащила прочь. Она упиралась и зло зыркала на сплетниц.

– Ах ты... – перестала плевать семечками та, в которую угодил камешек. – Люди добрые! Что творится-то? Сейчас она в честных женщин камнями кидается, а вырастет, что делать будет? А?!

– Точно влияние этой чужачки! У Фаинки она такой не была! – поддержала ее подруга.

Я тащила Лею прочь, а та так и норовила выскользнуть из рук.

– Лея, прекрати! – наконец, не выдержала я.

– Они злые! Они тебя обзывали! – с обидой выпалила она.

– Ты права, хорошая моя: они злые. Только камнями все равно кидаться нельзя, – я присела перед ней, чтобы заглянуть в глаза.

– Почему? Они ведь злые! – девочка смотрела своими глазами, кажется, прямо в душу.

– Но все остальные теперь злой считают тебя. – Она несогласно засопела. – Пойми, нельзя все решить силой и киданием камней.

– И что тогда нужно было делать? Просто слушать, как

они тебя обижают?

И вот что ей на это ответить? Я обняла ее:

– Леечка, спасибо тебе за защиту! Но давай договоримся так: если меня кто-то обижает словами, то я сама буду им отвечать, а если молчу – значит, так нужно. – Она несогласно засопела. А я заговорщицки улыбнулась и продолжила: – А потом мы с тобой вместе придумаем, как их научить уму-разуму.

– Отомстить, что ли? – недоверчиво переспросила девочка.

– Нет, именно что научить уму-разуму. Идет?

Лицо Леи внезапно осветила такая же заговорщицкая улыбка, и она ответила:

– Идет!

Я встала и протянула ей руку, чтобы вернуться в тень телег. Сплетниц уже куда-то унесло, место снова было свободно.

– Вот вы где! – шел нам навстречу Леб и улыбался. В руках у него была большая корзина. – А я вам тут кое-что принес!

Я смутилась, припомнив разговор молодок, и потупилась.

– Спасибо, господин Леб, но не нужно.

Улыбка сползла с лица мужчины.

– Так я от чистого сердца, Аника!

– Вы-то от чистого, только некоторые могут не так понять, а нам еще жить в деревне, – вздохнула.

Он, сдвинув вперед картуз, почесал пятерней затылок.

– Так это... того... я не вам! Я Лианем вашу отблагодарить хочу! Она ж мне руку вернула, а я все никак до нее не доеду, чтобы выразить свое уважение! Не считите за труд передать ей от меня гостинец.

– Ну, раз гостинец для Лианем... – протянула я, улыбаясь, а он заговорщицки подмигнул Лее.

Какой хороший, оказывается, у отца Леи друг. Сразу понял, что его дочь в стесненных обстоятельствах, и решил ей помочь! Кто я такая, чтобы отказываться от помощи девочке? Да и не в тех мы обстоятельствах.

– Спасибо, господин Леб! – от души поблагодарила я.

– Аника, ну хватит уже мне выкать! Я себя совсем старым чувствую.

– Ну какой же ты старый? Бородатый – это да, но не старый, – подбодрила я его и улыбнулась.

Состряпанная легенда о благодарности знахарке помогла свести все сплетни на нет, но почти всю дорогу обратно на меня все равно косились с подозрением.

А молодежь мы с Леей все-таки проучили: прорастили все семечки, которые они с таким удовольствием щелкали, и Лея попросила пролетающих мимо птиц гадить именно над этими двоими. Сколько крику было... К концу поездки они уже и сами поняли, что что-то не так, и косились на нас особенно подозрительно, только что они могли нам предъявить?

Время с той поездки пролетело как-то быстро и незаметно. В подаренной нам корзине обнаружился отрез плотной ткани, и Лианем уже начала шить из него Лее на осень новую рубаху и штаны. Пока еще тепло, но со дня на день обещают изменение погоды. У меня работа в артели отнимала все силы. Откровенно не нравилось целыми днями возиться с рыбой. Не мое это. Да и видела я в жизни гораздо больше, чтобы удовлетвориться таким вот существованием. Не об этом я мечтала для себя и своих детей. Но впереди зима, будет время все обдумать и понять, что я буду делать дальше. Сейчас же передо мной стояла задача выжить.

Копченый окорок из той же корзины мы до сих пор смаковали небольшими порциями, и за него я Лебу была особенно благодарна. Иногда мяса хотелось так, что я даже на наших курочек-несушек с вожделением поглядывала. Но на столе все равно каждый день только рыба. Раньше я ее никогда столько не ела и даже не предполагала, что она может приесться! Но Лианем обещала, что чуть позже многие начнут забивать своих свиней и расплачиваются с ней мясом.

Живот от таких мыслей заурчал. Эх, еще немного – и он начнет активно расти, и моя беременность перестанет быть секретом. Теперь уже даже и не знала хорошо это или плохо. Конечно, отношение деревенских, по словам Лианем, тут же кардинально изменится, но для меня это как-то дико звучит: я же останусь той же самой девушкой. Рога и когти, как у порождений Темного из местного фольклора, у меня не вы-

растут. Они просто узнают, что я ношу ребенка. Но не доверять в этом вопросе знахарке у меня причин не было. Однако теплилась надежда, что после этих новостей от меня отстанет Тарак.

Вчера этот пират недоделанный снова нарисовался – не сотрешь. Пришел на подворье к вечеру, когда я воду в дом таскала, чтобы нагреть и помыться после рабочего дня, и уставился. Молчал и смотрел, будто дырку прожечь хотел. Я быстро воду из колодца набрала и в дом, а там Лианем.

– Там пират ваш пришел.

Она поглядела на меня и отложила нож, которым чистила картошку, встала. Только разбойник уже в дверях появился.

– Ну, здравствуй, Лианем, – все также зыряка в мою сторону, поздоровался он.

– И тебе не хворать. Чего пришел? – недружелюбно поинтересовалась знахарка.

– Так позвать тебя к раненому. Он дома у вашей Фаинки лежит.

– Хорошо, сейчас приду. А ты шел бы... – она колко на него глянула и отвернулась, чтобы собрать кое-какие вещи, – ...дорогу мне показывать.

– Сама, небось, дойдешь. Чего тебе там показывать? – осклабился он в ответ.

– Старая я, могла и забыть. Давно у нее не была, – и толкнула мужчину в плечо, подгоняя.

Он хмыкнул, снова на меня глянул, но вышел.

Обычно я ходила на такие вызовы вместе с Лианем, училась понемногу у нее, да и вообще старалась запомнить все, что она рассказывала. Она иногда даже проверяла, что я запомнила. Мне же очень не хватало тетради, в которую можно было бы делать записи. Здесь бумага – страшный дефицит. У Лианем, правда, такая тетрадь была, сшитая ею из отдельных листов не очень хорошего качества.

Сегодня я с ней не пошла. Только с облегчением вздохнула и поставила греться воду. Еще Лею нужно было найти. Уж кто в конце дня чумазый, так это она!

А вечером, когда мы с Леей уже собирались ложиться спать, в дверь постучали. Она как раз расчесывала мои длинные волосы, которые целый день, по местным обычаям, были упрятаны под платок. Мы решили, что это Лианем вернулась, и Лея, отдав мне расческу, поскакала открывать щеколду. Однако вместо знахарки на пороге появился Тарак. Он отодвинул замершую в дверях девочку и вошел в избу, которая сразу показалась тесной.

Я замерла под его взглядом и боялась пошевелиться. Он с какой-то первобытной жадностью рассматривал рассыпавшиеся по моим плечам светлые волосы и буквально ошупывал тело взглядом, отчего казалось, что пуританская ночнушка на мне вдруг превратилась в развратный пеньюар.

Мне стало страшно. Никогда прежде я таких взглядов на себе не ловила. Но тут сзади раздался запыхавшийся голос знахарки, которая явно сильно спешила за мужчиной.

– Что встал в дверях? Проводил и иди отседава!

Он перевел на нее дикий злой взгляд, но Лианем не дрогнула и тихо, но особенно весомо сказала:

– Не доводи до греха, Тарак. Я ведь уже старая, мне душевный покой нужен, а то ум за разум зайдет, и в следующий раз не те травки положить вам в дорогу могу.

На скулах мужчины заходили желваки, и он так на нее, а потом и на меня глянул, что расческа выпала из пальцев. Лея притихла. Пират несколько секунд посверлил знахарку взглядом, что-то прикидывая.

– А ежели она сама захочет? – наконец, сузив глаза, спросил.

– Ежели сама, то Пресветлый вам судья, а я мешать не стану.

Мужчина хмыкнул, снова ожог меня взглядом и, наконец, вышел прочь. Лианем тут же закрыла за ним дверь, а потом, словно лишившись опоры, рухнула на лавку. Котомка сползла с плеча, и содержимое вывалилось на пол.

– Что теперь будет? – спросила я.

– Не знаю. Но насильничать пока точно не станет. А вот как оно дальше повернется – не знаю, – со вздохом ответила Лианем. – Дай, что ли, воды напиться, а то что-то нехорошо мне. А ты, Лейка, тоже не стой столбом, собери вон, что вывалилось на пол.

Так полные невеселых дум вчера спать и легли. А сегодня вечером, только я с работы пришла, он опять заявился.

– Света тебе в дом, Аника.

Я на приветствие только кивнула и взяла зерна, чтобы покормить кур.

– Что смотришь так неприветливо? – во все тридцать два улыбался он. – Давай, что ли, воды наносить помогу, – и тут же ухватился за ведро.

Подобный энтузиазм сбивал с толку.

Тарак не только натаскал воды в дом, но и живность нашу напоил. И все это улыбаясь, посверкивая глазами и посматривая в мою сторону.

– Может, еще чем помочь нужно, хозяйюшка? – подошел он ко мне.

– Спасибо большое, но ничем, – все так же с подозрением на него поглядывая ответила, и, к моему несказанному удивлению, он засобирился уходить.

– Ну что ж, – он подхватил со старого покосившегося забора свою безрукавку, оглядел прореху на месте отвалившейся штакетины и даже не спросил, а просто сказал: – Завтра приду забор вам поправлю, – махнул рукой и, насвистывая что-то себе под нос, направился прочь.

– И что это было? – в полном недоумении спросила я у подошедшей Лианем.

Та посмотрела вслед уходящему мужчине и философски произнесла:

– Посмотрим...

...И вот сидела я, смотрела на звезды и задавалась вопро-

сом: что ожидает меня дальше?

В той, прошлой, жизни все было так предсказуемо, понятно и спокойно, что порой ввергало в депрессию. Здесь другие хлопоты и мысли, и тревожно на душе.

Внезапно рядом присела Лея и привалилась ко мне боком. Я обняла малышку за плечики.

– Ты чего не спишь? Зачем за мной пошла?

– А ты чего не спишь?

– Просто хотела немного подумать.

Мы некоторое время просто сидели, смотрели на звезды и гладкую посеребренную поверхность моря.

– Аника, – посмотрела на меня Лея, – а ты меня точно не отдашь Фаине?

Я с удивлением глянула на малышку. Неужели она все это время боялась, что я верну ее маме?

– Конечно, не отдам! Ты что?! Как ты такое вообще могла подумать?

– А почему?

– Потому... – а и правда, как объяснить ребенку простую вещь, что раз уж взяла однажды за нее ответственность, то никогда не отступлюсь, что полюбила ее, как родную? – Потому что теперь ты моя дочь, – наконец, ответила и сама поняла, что так оно и есть. Покрепче обняла девочку и прикрыла глаза, переживая настоящую бурю удивительных эмоций. Как я мечтала когда-нибудь произнести эти слова, подарить свою любовь маленькому человечку... И вот теперь

эта мечта сбылась.

– Правда? – взяв мое лицо в ладошки и требовательно заглядывая в глаза, спросила Лея.

– Правда, – улыбнулась я, сдерживая слезы.

– Тогда теперь мне можно называть тебя мамой?

– Если хочешь, – моргнула, и слезинка все же скатилась по щеке.

– Хочу, – твердо ответила девочка и улыбнулась так светло и радостно, что не ответить ей улыбкой было невозможно. – Мама... – обняла меня крепко за шею и разрыдалась.

Мы с ней плакали, смеялись, разговаривали обо всем на свете и, лежа на траве, смотрели в небо и выбирали самые яркие звезды.

ГЛАВА 7

Подходя вечером к дому, я уже видела, что там кипит работа. Тарак не просто поправлял покосившийся забор, он взялся строить его заново!

Я смотрела, как он без рубашки, взмокший, склонился над бревнышком и обстругивал его. Увидев меня, он выпрямился и улыбнулся:

– Света тебе в дом, Аника.

– Ага, и тебе, – в полном обалдении ответила. Прямо не пират, а честный труженик рубанка. – А что это ты тут за-
теял?

– Так я же вчера сказал: забор буду чинить. Вот и чиню, не видать мне штурвала! Старый ваш совсем пришел в негодность. Только тронул его, как он тут же и завалился, как гнилая мачта. Пришлось вот идти в лес, искать подходящие деревья, разживаться инструментом...

– Спасибо тебе, конечно. Только расплачиваться мне с тобой нечем, – предупредила сразу. Пусть знает: раз уж приперся с такими благими намерениями, чтобы ни на что не рассчитывал.

– Какие между нами могут быть расчёты, красавица? – подмигнул он мне, белозубо улыбаясь, и зачесал назад пятерней выбившиеся из хвоста волосы.

Перед тем как войти в дом я еще раз обернулась. Судя по тому, что он собрался полностью переделать забор, а материалов у нас не было и их придется заготавливать в лесу самому, работы у него непочатый край.

Словила его горящий взгляд и поняла, что лучше бы он этот забор не трогал вовсе. И чего он ко мне прицепился? Нет, мужик он видный, вон как мышцы бугрятся, и вроде симпатичный – бородища эта его косматая мешает толком разглядеть, но... Он – пират. И это в книжках и фильмах красиво звучит, а на деле он ведь нападает на людей, убивает их и грабит. А потом что, будет таскать мне одежду и украшения, снятые с мертвых тел? Брр... Да даже если и не так, мне все равно будет чудиться на них чужая кровь...

...А на следующий день он пришел прямо на берег, где мы готовили рыбу к сушке, и стал ждать, когда я закончу работу. Женщины притихли, поначалу не понимая, чего он пришел. Я даже попыталась тихонечко скрыться в другой стороне, но его окрик не дал мне такого шанса.

– Света в ваш дом! – поздоровался он издалека со всеми. – Аника, ты куда? Я, между прочим, тебя жду, не видать мне штурвала!

Я вздохнула и, попрощавшись со всеми, пошла ему навстречу. Позади слышались шепотки, и я зло уставилась на пирата.

– Ну и что ты тут забыл? – Мало мне было неприятностей, так еще теперь обо мне все кому не лень судачить будут!

– Тебя я забыл, красавица! – и попытался меня приобнять. Но я вовремя вывернулась. – Работу вот сделал, время осталось, и я решил тебя встретить и все лично показать, – пряча неудовольствие, улыбнулся он и забрал рыбу, которую я несла в корзине на ужин.

Дальше шли молча. Тарак щурил глаза на солнце, отчего ранние морщинки уже поселились вокруг его глаз, и искоса на меня поглядывал.

На подходе к дому я даже замерла на несколько секунд. Забор получился знатный: мне по плечо, с частоколом бревнышек, почти как вокруг крепости.

– С-спасибо! – обалдело произнесла, когда мы подошли вплотную, и провела по обструганным деревяшкам рукой.

Я такого забора ни у одного дома в нашей деревне не видела! Ухаживает Тарак с размахом...

– Для тебя, хозяйюшка, ничего не жалко! – снова улыбнулся он и открыл передо мной новую калитку.

Во дворе он замер, явно чего-то ожидая. Я же понимала, что вот так просто его выпроводить будет как-то не по-людски, что ли. Понятно, что он не просто так это забор строил, но ведь построил же. Плюс ко всему, это дополнительная защита. Все-таки на самой окраине живем, наособицу от всех, а лес тут совсем недалеко. Мало ли какое животное забрести может. Я об этом уже как-то думала.

– Тарак, может, ты сегодня с нами поужинаешь? – нерешительно проговорила.

А он, видимо, только этого и ждал. Тут же заулыбался.

– С удовольствием, красавица! – прошел в дом, вручил знахарке мою корзину, а потом направился к колодцу снова носить воду.

– Что? Ужинать пригласила? – недовольно спросила знахарка, и я кивнула.

– Такой ведь забор выстроил всего за один день, как не пригласить-то? – попыталась оправдаться я.

– Да все я понимаю, – а потом хитро улыбнулась. – Думаешь, сам все сделал? Как бы не так! Всю свою команду сюда согнал, а перед тобой сам предстал, удалец-молодец этакий!

– Ну да, – хмыкнула, – я впечатлилась.

– А зря, – внезапно посерьезнела она. – Не стоит. Ох, не стоит...

...Ужин прошел довольно напряженно. Мы с Лианем и Леей в основном молчали, Тарак тоже не блистал красноречием и все больше на меня поглядывал, но все же рассказал несколько забавных – на его взгляд – историй, после которых мы и вовсе уткнулись в свои тарелки, а он решил, что лучше помолчать.

– Ну, я пошел? – не дождавшись от нас приглашения остаться и вообще никаких других слов, наконец, проговорил он после ужина. Посмотрел на меня с досадой, но упертостью во взгляде, и добавил: – Завтра приду крышу посмот-

рю. А то скоро дожди зарядят, а у вас, не видать мне штурвала, она совсем прохудилась. – И вышел.

Повисшую после этого тишину можно было резать ножом.

– Он ведь не отступится, да? – наконец, спросила я.

Лианем тяжело вздохнула:

– Не тот человек. Упрямый, как баран!

– А что будет, когда он узнает, что я беременна?

Знахарка встала из-за стола и начала собирать тарелки.

– Не знаю я! – раздраженно ответила она. – Боюсь, что беда может случиться. Только что делать – не знаю! Тебе бы уехать отсюда куда-нибудь, только куда ты подашься одна, да еще с пузом, а? – она с грохотом отставила стопку с посудой.

Я помолчала, наливая в корыто теплую воду, чтобы помыть черепки.

– Лианем, а почему эти пираты так вольготно себя чувствуют в вашей деревне? Ведь есть же староста, который о таких вещах должен докладывать управляющему вашего лорда!

– Да где тот управляющий? Никогда в нашей глуши даже не появлялся. Налог и тот староста возит в то село, куда вы на ярмарку ездили. Да и Тарак с ним делится. А деревенским молодкам, на вроде той же Фаинки, думаешь, лишние те подарки, что им пираты оставляют? Не раз от голода зимой только их подачки и спасали. Трактир и тот существует только из-за них, и многих деревенских, к слову, кормит. Настоящее пиратское гнездо у нас теперь тут, и никуда от

этого не деться.

На том наша беседа этим вечером и закончилась, а я еще долго лежала на своей лавке без сна, прижимая к себе сладко посапывающую Лею.

Целых пять дней после этого он каждый день помогал нам по дому, что-то чинил, что-то поправлял. Мы с Лианем даже не представляли, как нашему маленькому хозяйству не хватало мужской руки! И каждый день я видела, как в глазах Тарака появляется все больший голод и нетерпение. Он в буквальном смысле разогнал всех парней, которые со мной просто здоровались, и каждый день приходил за мной, чтобы забрать с работы.

Вот и сегодня, пришел и зыркал в мою сторону. Ждал.

– О! Тарак уже пришел, – толкнула меня в бок Фаина.

С тех пор, как она узнала, что я будто бы связалась с пиратом, она стала более разговорчивой и даже начала ко мне подсаживаться во время работы. Видимо, увидела во мне родственную душу. Мне такие перемены в ее отношении были не то чтобы неприятны, я просто не знала, как на них реагировать.

Я его уже давно заметила, а потому лишь пожала плечами, заканчивая работу.

Сегодня он уже не пытался хохмить или вызывать меня на разговор. Просто забрал из моих рук корзину и крепко взял

под руку – не вывернешься. Что делать в сложившейся ситуации, я не представляла. Мужик уже явно дошел до своей точки кипения и считал, что пора бы мне ответить ему взаимностью. А я... Я шла с ним рядом и тихо паниковала. Да, как мужчина он ничего, и рукастый, только нам даже говорить не о чем. Никаких точек соприкосновения. Ему, может, этого и не нужно, только я ведь не местная забитая селянка, и в мужчине ищу не столько добытчика, сколько родную душу.

Хватит! В том мире уже вышла замуж, потому что время пришло и так нужно. Сплошное разочарование! Здесь я не хотела совершать подобных ошибок. Да и не звал меня никто замуж, а в кого я превращусь после того, как начну с ним жить? В пособницу пирата, его подстилку?

Меня откровенно потряхивало. Ужин не лез в горло, яковыряла овощи на своей тарелке, он не сводил с меня взгляда, а Лианем обеспокоенно на нас поглядывала.

Наконец, я решила, что мне нужно с ним поговорить. Объяснить свою точку зрения. Может, поймет? Наивно, но все же эта мысль немного меня успокоила.

Ужин закончился, а Тарак сидел и чуть исподлобья на меня смотрел, прожигая взглядом. Я поняла, что тянуть с разговором дальше не получится. Прокашлялась, потому что боялась, что голос мне изменит, и произнесла, стараясь не встречаться с ним взглядом:

– Тебя проводить?

– Проводи... – хрипло произнес он и тут же встал, да так, что табурет покачнулся и упал. Мой взгляд так и прилип к этому табурету, и я застыла на месте.

Тарак это заметил, но поднимать стул не спешил и сделал шаг на выход, а я, как примороженная, стояла, боясь даже пошевелиться. Лея с Лианем притихли.

Пират оглядел нас всех, и в его глазах зажегся какой-то дикий огонь, напряжение последних дней, казалось, ударило ему в голову. Видимо, ему и самому вся эта ситуация не нравилась, не привык он кому-то что-то доказывать, ухаживать и выступать в роли просителя, а тут он на изнанку вывернулся, а от него нос воротят.

Верхняя губа у него приподнялась, как у дикого зверя, который скалит клыки, а в следующую секунду он схватил несчастный табурет и шандарахнул его об пол так, что тот развалился на части.

Мы все вздрогнули, но не проронили и звука. Грудь пирата ходила ходуном, и он снова уставился на меня. Потом резким движением пригладил волосы и произнес:

– Ты, кажется, хотела меня проводить.

Я судорожно кивнула и пошла к двери. Он пропустил меня вперед. Лианем сделала шаг следом, но его бешенный взгляд пригвоздил ее к месту. Малышка в страхе прижалась к знахарке и смотрела нам вслед глазами, полными ужаса. Это немного отрезвило. Ну, не зверь же он дикий броситься на меня вот так сразу?!

Однако стоило нам дойти до калитки, как он прижал меня к забору рядом с ней своим телом. Стал целовать шею, прижимая все сильнее. Хотелось кричать, отбиваться, только там, совсем недалеко за дверью, прислушиваются ко всем звукам Лианем с Леей. Девочка и так напугана его выходкой. Что же делать? Слезы сами собой полились из глаз.

– Не надо. Пожалуйста, не надо, – шептала я, пытаюсь его отпихнуть в меру своих сил, но все тщетно.

Он жадно шарил по моему телу руками, но под платье пока не забрался. Целовал соленые от слез щеки.

– Дурочка, ну чего ты боишься?! Я ведь все для тебя сделаю! Все! Только попроси! – лихорадочно шептал. – С ума по тебе схожу, как увидел, так и думать ни о ком больше не получается, – впился в мои губы жадным поцелуем. – Сладкая, какая же ты сладкая. Ну что не так, скажи? Чем я тебе нехорош? – осыпал мои скулы лихорадочными поцелуями и удерживал мои руки, не давая колотить его по плечам.

– Боюсь я тебя! – наконец, выкрикнула я, и он замер. Грудь его ходила ходуном, но он все же остановился, то ли соображая, что я такое сказала, то ли и правда прислушиваясь. Я же принялась нести полную чушь, которая только приходила в голову: – Бородищи твоей боюсь! Зарос так, что лица не видно! А она у тебя вон какая жесткая и колючая. Ты с ней совсем страшный! Сам ты всем хорош, а бороды твоей боюсь!

Что я несла?! Но одно я понимала точно: если буду ему

сейчас про разницу во взглядах на жизнь втирать, он меня не поймет.

– Значит, бороды боишься? – наконец, переспросил, явно сдерживаясь из-за всех си.

– Д-да... – ответила, с испугом глядя ему в глаза.

Он со всей силы саданул кулаком по забору совсем рядом с моей головой. Сердце ушло куда-то в пятки, я зажмурилась, готовясь к... да даже не знала к чему. Просто было дико страшно!

– Хор-р-рошо! – прорычал, беря меня пятерней за горло и чуть сжимая. – Сбрею я для тебя эту спрутову бороду! – и буквально вывалился из калитки, широкими шагами устремившись прочь.

Меня ноги после такого потрясения не держали, и я села прямо там, где стояла.

И в чем смысл сегодняшней отсрочки? Завтра ведь все повторится, только отвертеться будет уже невозможно.

Я уткнулась лицом в колени и разрыдалась. И что мне делать? Можно, конечно, подхватиться и бежать, куда глаза глядят. Только не получится – догонит меня Тарак в два счета.

То, что из деревни нужно уходить, я теперь понимала кристально-ясно, даже плакать перестала. Только делать это нужно с умом, иначе этот сумасшедший и правда догонит и второго шанса бежать не оставит. А что будет, когда узнает о моей беременности, мне даже представлять не хотелось.

Прибьет в припадке бешенства и поминай, как звали. И ничего ему за это не будет, только и мне уже будет все равно.

Решив для себя хоть что-то, я вытерла щеки и пошла в дом.

Уложив Лею спать – она была напугана, и пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить ребенка, что все хорошо, у дяди Тарака просто был трудный день, вот он и вспылал, – мы с Лианем сели за стол думать, как быть дальше.

– Что сама-то думаешь? Та же Фаинка только обрадовалась бы такому вниманию.

– Лианем, я же уже все тебе объяснила: не нужен мне этот пират! Что меня ждет с ним? Он же даже не женится. Да и не нужно мне этого. Во что в скором времени превратится моя жизнь? А ваша? Думаете, он зря этот забор возводил? Потом рядом еще дом пристроит и будет у вас тут настоящий пиратский притон, который мы с вами будем лечить и снабжать всеми необходимыми травками. А Лея? Что она будет видеть с самого детства? И это не говоря о моей беременности. Может, прибьет он меня завтра. И разговаривать нам сейчас не о чем.

Я вздохнула и посмотрела на огонек догорающей свечи. Ровный язычок лишь немного трепетал, иногда потрескивая, и тогда пламя скакало из стороны в сторону, норовя потухнуть, но все же выравнивалось и снова освещало вокруг себя

ровный круг света.

– Ох, Аника, вот она – наша бабья доля, – с грустью посмотрела на меня Лианем. – Уходить тебе нужно. Все равно жизни здесь тебе не будет. Только надеялась я, что уже после рождения ребеночка и холодов уходить придется, а оно вон как выходит...

– Уходить нужно, – согласилась я. – Только сейчас Тарак не отпустит.

– Не отпустит... Значит, будем ждать, когда отплывет куда-нибудь, а пока будем готовиться. Сама знаешь, ни телеги, ни лошади у меня нет, тут я тебе помочь не смогу, поэтому придется идти пешком.

– А Лея?

– А что Лея? – сделала вид, что удивлена, знахарка. – Пусть живет у меня и дальше. Я ее знахарским премудростям обучу. Все у нее хорошо будет.

Оставлять Лею не хотелось страшно. Она ведь мне дочкой стала, без всяких там «но» и «если». Вот только тащить ее с собой в пешее неизведанное путешествие... Лучше уж и правда пусть со знахаркой остается.

– Лианем, но ведь у Леи дар, да и у меня тоже. Неужели с этим нельзя как-то устроиться?

Она посмотрела на меня с сочувствием.

– Устроиться-то можно. А в твоем случае с этим в городе проблем не возникнет. Содержанкой тебя с удовольствием возьмет любой дворянин, а за детей, рожденных тобой,

заплатит столько, что тебе на всю оставшуюся жизнь денег хватит.

– Т-то есть как содержанкой? Как за детей? – опешила я. – А как же всякие там магические академии?

– Всякие там магические академии стоят много денег полновесным золотом, – с сожалением глядя на меня пояснила знахарка.

– Но ведь... – я усиленно соображала, пытаюсь понять местную логику. – Но ведь тогда получается, что государство само отказывается от потенциальных магов, которые могли принести ему пользу!

– С чего ты так решила? – даже удивилась она, но потом вспомнила о том, что я ничего не помню из своего прошлого и пояснила. – Ни от кого корона не отказывается. Сильные маги уже очень давно рождаются практически только среди дворян. У них там такой отбор невест идет, что это и неудивительно. Среди народа если и рождаются дети с магическими способностями, то чаще с такими мизерными, как мои. Если кому-то везет получить от природы больше, то девочка, скорее всего, выходит замуж за какого-нибудь бедного дворянина, укрепляя его род, а себе обеспечивая безбедную жизнь до самой старости. С мальчиками все не так прозрачно, но они тоже в конечном итоге оседают в услужении у власть имущих. Их даже могут отправить учиться в академию, вот только эту науку они отрабатывают всю жизнь.

– Но ведь, по словам, Леи у меня дар гораздо больше ва-

шего?

– Только ты, не будучи замужем, уже успела обрести детьми и, поверь, ни один дворянин никогда не возьмет в жены девушку с таким пятном на репутации. – Я осеклась, забыв, что еще хотела ей сказать, а Лианем вздохнула: – Вот потому я и говорю, что тебе дорога только в содержанки. Все равно с таким даром тебя обычному ремесленнику не отдадут.

– И что, других дорог у меня нет? – после тягостного молчания спросила я.

– Ну почему же? Ты можешь не признаваться в том, что владеешь магией, или сказать, что она у тебя совсем невелика, как у меня, к примеру. Тогда никто тебя трогать не будет, но жизнь твоя все равно не станет менее простой. Хотя ты можешь назваться вдовицей, тогда отношение к тебе будет гораздо лучше. В деревнях с этим сложнее. Им брачный браслет подавай, а раз нет его, значит – незамужняя. И хоть кол на голове теши!

– Но ведь уровень моего дара могут увидеть и другие маги.

– Кто, например? Ты свой источник видишь? Или, может, мой? – я недоуменно отрицательно покачала головой. – Вот то-то и оно! – даже подняла она указательный палец вверх. – Лейка наша, можно сказать, уникам! За такими идет настоящая охота. Не знаю, куда там их забирают и что потом с ними делают, только о таких детях, которых тут же забирают от родителей, уже никто никогда не слышал. Может, ничего

страшного с ними не происходит, и они как сыр в масле катаются, а может, все совсем иначе. Того не знаю, и никто не знает, — пристально на меня посмотрела. — Даже просто за информацию о ней дворяне могут заплатить очень много...

— Вы чего это на меня так смотрите! — вспыхнула я в негодовании под этим взглядом. — Я нашу Лею никому не отдам, ни за какие деньги мира!

После этих слов лицо знахарки разгладилось и одна выдохнула.

— Не сомневалась в тебе. Прости, если ненароком задела, но мне нужно было это от тебя услышать.

— Понимаю, — тут же ушло мое возмущение, и мы, не сговариваясь, посмотрели на лавку, где сладко спала девочка.

Как можно предать этого удивительного любимого человечка, отдать его чужим людям, которые сделают с ней непонятно что?

Мы снова помолчали, и тут мне в голову пришла одна интересная мысль:

— Лианем, как ты думаешь, откуда у меня такой сильный дар?

— Ох-ох-ох, — она поставила локти на стол и потерла виски. Старой женщине, видимо, нелегко дался этот вечер. — Я так думаю, что ты из благородных. Только не из нашего королевства. Скорее всего, ты из соседнего, из Ревны. Тут по морю совсем недалеко. Вон какая ты светленькая, а у нас все в основном темноволосые да темноглазые. Вы с Лейкой

тут как две белые вороны, – и, предугадывая мой следующий вопрос, проговорила: – По платью твоему это тоже понятно. Хотя и не знаю, что нынче носят в городах, но очень уж оно из хорошей ткани, а вот вышивка по подолу точно не наша, а ревнская.

– Так, может, меня ищут, и нужно поскорее дать о себе знать? – встрепелась я.

– Вот ежели бы ты знала кто ты и откуда, тогда нужно было бы попытаться. А так ведь ничего о тебе неизвестно. Наши дворяне хоть и считаются благородными, только не всегда спешат это благородство показывать. Им будет выгоднее тебя под замок посадить, чтобы занять сильное магически одаренное потомство, чем возвращать тебя родным. – Я недоверчиво покосилась на знахарку. Как-то это дико звучит, что ли. – И на твоём месте я бы подумала вот о чём: случайно ли ты упала с того корабля, на котором плыла? Ты уж извини, но тогда шторма не было, да и пираты, если бы захватили судно, такую красавицу точно бы не оставили за бортом. Конечно, могло случиться что угодно, но все же это как-то очень подозрительно.

«Капец!» – только и пронеслось в голове, потому что мой усталый мозг, который сегодня и так пережил слишком много стрессов, думать ещё и над этим вопросом просто отказывался. Одно я поняла точно: знахарка вполне может быть права.

Я потерла ладошками лицо, пытаясь взбодриться. Лианем

еще немного посидела, с сочувствием глядя на меня, а потом встала, похлопала по плечу, поддерживая, и пошла укладываться спать, а я все смотрела на пламя, думая, как быть и что делать дальше. Наконец, вздохнула и задула свечу. Утро вечера мудренее.

ГЛАВА 8

Целый день у меня все валилось из рук. В артели женщины даже начали поглядывать с подозрением. А меня внутренне потряхивало, и еще рыба эта жутко раздражала и волновала, да так, что временами мутило, приходилось отходить и глубоко дышать. Беременность, которая до этого почти никак себя не проявляла, начинала давать о себе знать.

Под вечер меня и вовсе накрыло паникой. Понимала, что потерпеть пирата в своей постели все же придется. По крайней мере, до его отплытия. Но легче от этого не становилось. Он сейчас на таком взводе, что лучше добровольно дать, чем потом разгребать то, что он может учинить. Тут не рыцарский роман, в котором героиня месяцами может водить мужика за нос, тут самый настоящий пират, который не привык к отказам и просто этого не примет.

– Ты чего, своего Тарака высматриваешь? – толкнула меня под локоть заговорщицки улыбающаяся Фаина. А я в который раз поймала себя на том, что и правда смотрю туда, откуда он обычно появляется. Специально ведь подальше отошла, а глаза в ту сторону так и прикипают. – Не высматривай. Он сегодня не придет. – И отчего-то захихикала.

– То есть как не придет? – я даже не сразу поняла, что она имела в виду.

– А вот так! – и снова захихикала.

– И что в этом такого смешного! – не выдержала я.

– Да я не потому смеюсь! – и встала ко мне поближе, чтобы шептать прямо в ухо. Специально подошла, чтобы поделиться. Видимо, давно хотела. – Представляешь, он сегодня с самого утра побрился! Нет, ну ты представляешь? Тарак – и сбрил свою бородищу!

– Представляю, – невесело ответила. – А не придет-то почему?

– Да потому что стесняется! – прыснула она смехом мне прямо в ухо. – Представляешь, он, значит, побрился, глядь в зеркальце, а у него половина рожи черная, а половина белая! Его команда как увидала, чуть не попадала со смеху. Ох он и злоющий был! Чуть саблей своей махать не начал! А потом разорался и приказал всей команде собраться на корабле, чтобы, значит, его проверить и быть готовыми отплыть в любое время.

– Так он что, отплывает? – не поверила я своим ушам.

– Да кто ж его знает? Он мне не отчитывается. Это мне мой рассказал перед тем, как умчаться.

Меня от облегчения даже немного повело, и я ухватила за плечо Фаины. Отчего-то тут же начало потягивать внизу живота, и я в неосознанном жесте защиты, приложила к нему руку.

– Эй, ты чего? – Фаина недоуменно переводила взгляд с моего лица на руку на животе. – Ты что, в тягости, что ли? –

слишком быстро сообразила она.

– Тихо ты! – тут же беря себя в руки и оглядываясь, зашипела я. – Чего кричишь?

– Ох, батюшки! – приложила она ладони к лицу, продолжая ошарашенно меня разглядывать. – От Тарака, что ли?

Я поморщилась: так неосторожно спалиться! Нет, конечно, все и так бы со временем узнали, но все же хотелось оттянуть этот момент как можно дальше.

– Нет, – врать не имело смысла.

– А от кого ж тогда? – от удивления и нетерпения глаза Фаины сделались совершенно круглыми.

– Не знаю я, – ответила с раздражением. – Вернее, не помню. Это случилось еще до моего попадания к вам.

– Ох и надо же! – покачала она головой.

– Только, Фаин, я тебя очень прошу, никому не говори! – я даже сложила ладони в молитвенном жесте, но видела, что эта новость у нее на языке не удержится и лишней минуты.

– Конечно-конечно! Я никому! – и попятилась в сторону своих товаров.

Уже к концу рабочего дня новость о том, что я непонятно от кого беременна, облетела всю деревню. По крайней мере, у меня сложилось именно такое впечатление. Я сразу ощутила, что оказалась в круге отчуждения. Парни, которые раньше кивали в знак приветствия, теперь останавливали на мне пристальные взгляды. И раньше я как-то не замечала, что бы они около нашей артели ошивались, а тут... Даже мороз

прошел по коже, когда представилось, что за мысли бродят в их головах.

Фаина больше ко мне не подходила, сидела среди женщин и поглядывала с плохо скрываемым злорадством. А еще два брата-оболтуса, кажется, решили просверлить во мне дырки своими наглыми глазами! Пришли и сели неподалеку, наблюдали за мной. Вот чего, спрашивается, приперлись?! Раньше только издалека заглядывались да, пока Тарак не стал встречать после работы, пытались на глаза попасться, а сейчас смотрят так, будто им все в отношении меня позволили и даже благословили. Сразу видно, что им в голову стукнуло!

А женщины им и слова не говорили и даже не одергивали! Только самая пожилая старушка артели посматривала на меня с жалостью и, трясая головой, вздыхала и повторяла себе под нос:

– Ай-яй-ая, ай-яй-яй...

Я честно пыталась доработать это день до конца. Но не выдержала. И когда эти двое отошли по каким-то своим надобностям, стала собираться.

– Эх вы! – Не выдержала я перед самым уходом. – Пока вы сами не научитесь уважать себя и все наше женское племя в целом, так и будете бояться любить, рожать и просто жить! Все это по-тихому делать будете! И любить чужих мужчин, и рожать не от мужа, и жить, боясь сделать глоток свободы и поступить так, как хочется вам, а не тем, кто вас окружает!

Вот и сидите тут, осуждайте других и радуйтесь, что у вас получилось все повернуть так, что за то же самое вас ваши же соседи не осудили!

И пошла прочь, изо всех сил сдерживая подступившие к глазам слезы. А вслед мне понеслась ругань. И «срамница» из всех этих высказываний было самым безобидным.

Как добралась до дома, помнила смутно. Ноги сами принесли. Села на лавочку и откинула голову, уперлась затылком в бревно дома. Рядом кудахтали куры, шелестел ветер в кронах деревьев, но все это уже не дарило успокоения. Неприятные мысли так и роились в голове. Я, конечно, понимала, что будет непросто, но чтобы так...

Внезапно рядом на лавочку присела Лея.

– Мамочка, ты сегодня немного раньше.

Я открыла глаза, посмотрела на свое рыжее солнышко и улыбнулась:

– Да, так вышло, – погладила девочку по голове и по привычке попеняла: – Ты сегодня опять без косынки. Смотри, солнышко голову напечет.

– Ты же говорила, что я сама солнышко, а на небе мой большой брат светит. Разве брат обидит свою сестренку? – лукаво улыбнулась она.

А я вспомнила, как однажды вечером она пряталась в кроне персикового дерева от меня и от обязательного купания.

– А ну вылезай! – позвала я ее тогда. – Вылезай! Я тебя

вижу!

– Как ты меня нашла? – возмутилась она.

– Я свое рыжее солнышко где хочешь найду! – рассмеялась я.

– Я солнышко? Точно-точно?

– Точно-точно!

– А как же оно! – указала она пальцем на заходящий круг местного светила.

– Оно твой старший брат! – а потом рассмеялась, вспомнив аналогию из своего мира. – Ага, это Большой брат, который всегда за тобой следит! Прямо как я! – и показала двумя пальцами на свои глаза, а потом на малышку.

Вот, теперь она вспомнила мою шутку.

Лее удалось поднять мне настроение, и улыбка вышла уже гораздо более искренней.

– Брат может и наказать сестренку, если та не слушается свою маму! – Я взяла малышку под мышки и, усадив себе на колени, крепко обняла, черпая в объятиях силу и потихоньку отогреваясь душой.

А она, будто чувствуя, обняла в ответ и погладила меня своими маленькими ручками по голове.

– Устала?

– Устала.

– А как мой братик себя чувствует?

Я посмотрела на солнце:

– Твой большой брат уже почти сел за горизонт.

– Да я не о нем! – рассмеялась девочка и, слегка отодвинувшись, погладила через ткань платья мой животик. – Он как себя чувствует?

– Вроде бы неплохо, – на глаза навернулись слезы, а улыбка сама собой появилась на губах. – А откуда ты знаешь, что будет братик?

– А ты сама разве не видишь? – удивилась она.

– Нет, солнышко, не вижу. И давай с тобой договоримся, что такие вещи ты больше никому рассказывать не будешь. Кроме меня и Лианем, конечно.

– А почему?

– Потому что ты – солнышко. А солнышко у нас какое?

– Какое? – озадачилась девочка.

– Удивительное, и одно на целый свет! И если кто-нибудь узнает, что ты такое можешь, то тебя могут у нас забрать. Потому что солнышком заходят завладеть слишком многие, ведь таких больше ни у кого нет.

Лея несколько минут обдумывала мои слова. Ее бровки смешно хмурились, и было видно, что к моим словам она отнеслась очень серьезно.

Наконец, она ответила:

– Хорошо. Я поняла.

– Молодчинка! – поцеловала ее в щечку. – Кстати, а где Лианем?

– Она пошла к старосте. Сказала, что скоро будет, а меня

на хозяйстве оставила.

– Ну и отлично. А я пока схожу за нашей козой, – чмокнула ее еще раз и спустила с колен.

– Я с тобой!

– Тебя же Лианем оставила на хозяйстве?

– Да? Ну хорошо, – расстроилась она.

– Иди лучше насобирай груш, пока я ходить буду. Тут все равно недалеко идти, – снова улыбнулась и отправилась за козой.

Задумавшись, не сразу заметила, что со мной рядом появились те самые братья, что сегодня раздражали своими липкими взглядами.

– Аника, куда идешь? – подкатил один из них, занимая позицию слева от меня.

– Да, куда на ночь глядя шагаешь? – встал по правую руку другой.

– К хахалям своим намылилась?

– Сколько их у тебя, а? Даже и не знаешь, кто обрюхатил, да?

Я остановилась, настороженно оглядывая свой конвой. От дома я успела отойти не так чтобы далеко, но из виду он уже скрылся. Да и кто мне поможет?

– Вам что нужно?

– А ты бы с нами поласковей, Аника! – нагло ухмыльнулся левый.

– А то, чем мы хуже твоих хахалей? – подхватил правый.

– Каких хахалей, придурки? – я начала потихоньку отступать от них.

– Тех, что тебя обрюхатили! Что тут не понятного?

– И ты бы следила за своим языком, срамница!

Я сразу поняла, что что-то им доказывать бесполезно. Эти двое получили предлог удовлетворить свои низменные желания, и мои слова им были не нужны. И все же попыталась до них достучаться и потянуть время. Мало ли, может, кто-то появится и поможет. Хотя, судя по всему, эти двое лишь первые ласточки...

– Парни, поймите, я не помню себя до того момента, как появилась на вашем берегу, а потому не знаю, кто отец этого ребенка, но это не значит, что я не была замужем!

– Ага, это ты кому-нибудь другому рассказывать будешь!

– Нет у тебя брачного браслета! Значит – не была замужем!

– Я его в море могла потерять!

Парни ослабели еще противнее.

– А может, ты все врешь? Была какой-нибудь потаскухой, а тут попала к приличным людям и решила за честную сойти?

– Только ничего у тебя не вышло!

– Ага, доказательство твоего блуда скоро на нос полезет!

И заржали, как гиены, готовясь на меня напасть. Чего только ждали? Того, что я побегу? Наверное.

И вместо того, чтобы испуганно бежать, все равно ведь

бесполезно, я расправила плечи, вздернула подбородок и предъявила последний козырь:

– А Тарака не боитесь? Он ведь, когда узнает, подвесит вас за причинные места.

На это мое заявление эти двое опять заржали.

– Да он когда узнает о том, что ты брюхатая непонятно от кого, придет и сам открутит тебе голову!

– Ага, и мы сейчас просто попользуемся тем, что и так уже скоро отправят на корм рыбам, – и ухватил меня за руку.

Вот теперь я испугалась по-настоящему. До этого было страшно, но все равно до конца не верилось, что эти парни, которые еще вчера вежливо со мной здоровались и издалека заглядывались, способны на такое!

– Пусти!

– А то что? – издевательским тоном спросил один из них.

И я закричала. Закричала так громко, как только могла. Даже не ожидала, что так получится. Но дикий страх придал этому крику нечто такое, от чего эти двое выпустили мою руку и отшатнулись. А я... Я развернулась и побежала к деревне.

Вот только они слишком быстро отошли от моей звуковой атаки и бросились следом. Далеко убежать не получилось. Они догнали и повалили на пожухлую траву. Я кричала, рычала, отбивалась и царапалась изо всех сил. Только что я могла против двух мужчин?

– Кошка сумасшедшая! Потаскуха! – услышала я перед

тем, как мне прилетела такая оплеуха, что зазвенело в ушах, и на несколько секунд я утратила связь с реальностью.

А когда удалось немного прийти в себя, увидела, что моих мучителей рядом нет, а мои руки и ноги свободны. Все еще не до конца себя осознавая, приподнялась на локти, поправила подол и поняла, что насилия не случилось.

Все воспринималось будто через какой-то фильтр: звуки и цвета казались приглушенными и нереальными. Отвлёк вскрик неподалеку, и я повернула голову. А там... Тарак избивал моих мучителей. И хоть их и было двое, но они ничего не могли противопоставить разъяренному мужчине.

– Тарак? – невольно вырвалось у меня.

И только тут на меня снова обрушилась неприглядная реальность. Меня затрясло. Я прижала колени к груди и смотрела, как мелькают кулаки пирата, а двое взрослых парней ничего не могут с этим поделать. Один постанывал на земле, пытаясь прийти в себя и встать, а другой уже почти не пытался отмахиваться от пресса пиратских кулаков.

Я попыталась встать, чтобы уйти отсюда, чтобы не видеть и не вспоминать, но меня повело и, вскрикнув, снова приземлилась на землю, пытаясь прийти в себя.

– Аника!

Тарак услышал меня, бросил избиваемое им тело и бросился ко мне.

Я подняла на него глаза, увидела испачканные в крови руки, рубаху, а потом и дикие глаза, которые смотрели на ме-

ня так, что я от ужаса перестала дышать. Он подошел вплотную, и я, не выдержав, всхлипнула и сильно-сильно закрыла глаза, готовясь отправиться к праотцам.

– Аника, – услышала над головой облегченный вздох, и вместо того, чтобы меня ударить, он... обнял и крепко прижал к груди. – Аника...

И вот тут меня отпустило. Я зарыдала так, как, наверное, никогда до этого, ни в своей прошлой, ни в теперешней жизни. Я плакала в голос, прижималась к Тараку, цеплялась за его рубаху и выла, выпуская весь накопившийся ужас и напряжение.

Не знаю сколько это продолжалось, но в какой-то момент я притихла и лишь всхлипывала в руках пирата. Человека, которого до этого боялась больше, чем кого бы то ни было в этом мире, и который по иронии судьбы, стал единственным, кто спас меня от ужасной участи быть растерзанной теми, от кого еще вчера этого не ожидала.

Наконец, я подняла голову и посмотрела на мужчину.

– Тарак... спасибо.

Бросила взгляд в сторону насильников и увидела, что они, поддерживая друг друга, с максимальной скоростью ковыляют куда-то прочь. Значит, не прибил этих гадов.

– Кто отец ребенка? – пристально глядя мне в глаза и, будто не заметив моих слов, спросил он.

– Не знаю, – я всхлипнула и глубоко вздохнула, пытаюсь унять утихнувшую было истерику. – Правда. Я не помню

этого! Ты же знаешь, что я забыла все, что со мной было до появления на этом берегу. Для меня самой беременность стала сюрпризом!

Он промолчал и перевел взгляд куда-то вдаль. Я судорожно вздохнула – истерика еще давала о себе знать – и снова пристроила голову у него на груди. Пахло потом, кровью и прелой травой, но отодвигаться не хотелось.

– ... Я думала, ты шел меня убивать, – слетело с губ раньше, чем я успела себя осадить.

– А я и шел... – тяжело роняя слова, ответил Тарак. – Только услышал твой крик, увидел, что эти выкормыши спрута с тобой делают, и словно с ума сошел. Сначала подумал, что убили тебя. Даже про саблю свою забыл, так с кулаками на них и набросился, разорвать хотел, – задумчиво посмотрел на сбитые в кровь костяшки. – А как увидел, что ты живая... В общем, я тебя никому не отдам, Аника. Только моей будешь, поняла? – и посмотрел так, что мороз пробежал по коже. – Ребенка скинешь. Мне чужие ублюдки не нужны, – заявил так же категорично. – И будем мы жить не хуже прочих. Дом рядом с избушкой Лианем отстрою. Перенимай ее знания. Лейка твоя, так и быть, пусть при тебе будет, только под ногами чтобы не путалась. Заживем так, что деревенским кисло станет от зависти! А кто тебя тронет – убью, как бешеную собаку. Так можешь всем и передать. И в артель свою чтоб больше не ходила. Все, что нужно, я сам в дом принесу.

Сказал и зарылся носом в мои волосы. Упавший с них платок так и валялся где-то в траве. Я ошалело слушала эту речь и не могла даже слова вымолвить. Зародившаяся было, симпатия завяла в муках, не успев родиться в моем сердце.

– Как ты здесь оказался? Мне сказали, что ты сегодня отплыл, – сказала я, чтобы хоть что-то сказать.

– Да нет. Сегодня я своих салаг гонял, а то расслабились больно и зубы не по делу скалят, – помолчал и внезапно сказал. – Я побрился.

Я подняла голову и обозрела масштаб катастрофы. Лицо пирата и правда было забавным: верхняя загорелая часть никак не сочеталась с белой, не тронутой солнцем кожей на подбородке. Однако стало понятно, что он вполне симпатичный. Не красавец, но что-то в нем было.

Подняла руку и провела пальцем по его почти чистому подбородку, щетина уже начала расти, но понадобится время, что скрыть белую полосу.

– Тебе пойдет небольшая бородка. Большую не отпускай, ты с ней чистый разбойник.

– А я и есть разбойник, – ответил он, и его рука начала продвигаться вверх по моей ноге, а в глазах зажегся хорошо знакомый огонек желания.

Я дернулась, но он тут же прижал меня обратно.

– Я завтра отплываю. Давно нужно было, но все оттягивал. Дольше уже некуда, – прижал еще крепче. – Не дергайся. Сейчас не трону. Но когда вернусь, чтобы ждала, и этого, –

он указал глазами на мой живот, – чтобы не было. Поняла?

– П-поняла, – не стала спорить, боясь даже пошевелиться, чтобы он не передумал.

– Ты смотри. Стоят и не подходят, – указал он подбородком куда-то мне за спину.

Я обернулась и увидела Лианем, к боку которой жалась Лея. Они обеспокоенно глядели на нас, но близко не подходили. Я тут же попыталась подхватиться, чтобы успокоить дорогих мне людей, но Тарак удержал.

– Успеешь еще к ним, – и впился в мои губы долгим жадным поцелуем, а когда оторвался, прислонился своим лбом к моему и прохрипел: – А теперь беги! Еще чуть-чуть – и не отпущу!

И я побежала. Откуда только силы взялись.

ГЛАВА 9

Как и сказал, Тарак отплыл рано утром на следующий день. Мы же с Лианем принялись собирать самое необходимое.

Лея вчера сильно за меня испугалась и сегодня не отходила ни на шаг. Она слышала мой крик, и нам всем очень повезло, что Лианем как раз пришла домой и остановила рвущуюся ко мне со всех ног девочку. Они побежали вместе, но к тому моменту, как подросли, все уже было закончено, и я сидела в объятиях Тарака. Они видели ковыляющих прочь избитых парней и поняли все верно. Вернее, Лианем обо всем догадалась и придержала девочку.

– Вот, я сложила твоё платье. Доберетесь до города – продай. Только смотри не продешевь. Травки я тебе уже отдала и объяснила, что для чего. Теплую шаль взяла? Осень уже как-никак. Лейке, вон, тоже не забудь.

Не сговариваясь, мы решили, что девочка пойдет со мной. Если раньше, до того, как местные узнали, что я беременна, ей с Лианем явно было бы безопасней, то после этого известия ее заклюют, а подрастет, так еще додумаются перенести мою «славу» на нее...

Я старалась не думать о вчерашнем нападении. Слишком это было для меня болезненно. Остается только удивлять-

ся, что для малыша все закончилось хорошо. Лишь живот немного тянуло вечером, но после таких потрясений это было неудивительно.

Знахарка покачала головой и сделала для меня успокоительный отвар, после которого мир вокруг уже не казался таким враждебным, а произошедшее будто покрылось дымкой, и я спокойно уснула.

А когда проснулась, чувствовала себя отдохнувшей и полной сил.

– Взяла. Лианем, – позвала я суетившуюся знахарку и, дождавшись, когда она обернется, в который уже раз попросила: – Пошли с нами.

Она опустила крышку сундука, который придерживала, рассматривая что-то внутри, и присела сверху.

– Не могу. Стара я уже, чтобы сниматься с места.

– Глупости! Я давно не видела такой крепкой женщины! – искренне возразила. Несмотря на то, что Лианем стара, в ней не чувствовалось немощи. Казалось, она как ива – и гнется уже к земле, но простоит еще очень долго. – Ну что вы забрались в эту глухомань, будто сами себя обрекли на заточение за какие-то несуществующие грехи?

По враз изменившемуся лицу женщины я поняла, что нечаянно угадала.

– Лея, сходи, собери нам в дорогу яблочек, – отправила я девочку из дома и присела рядом с Лианем.

Она прикрыла глаза:

– На мне много грехов, Аника. Но не только это держит меня здесь, – тяжело вздохнула. – Не уйду я отсюда, и не уговаривай. – Мы посидели, я подбирала слова, чтобы все-таки уговорить женщину пойти с нами, а она явно что-то вспоминала. Наконец, произнесла: – Стыдно признаться, но мне просто страшно выбираться за пределы этой деревни. Здесь я словно в закрытом мирке и чувствую себя в безопасности. Я и в соседнем селе за все время была от силы всего пару раз и то, потому что не могла доверить покупку старосте. А ты предлагаешь мне отправиться в путь, да не куда-нибудь, а в Бравель!

– В Бравель это вы мне предлагаете шагать. Вон, даже письма к своим сестрам написали.

– А куда ж мне тебя отправлять? – сварливо спросила она. – Я больше никого нигде не знаю. Сестры, конечно, могут сделать вид, что никогда не слышали ни о никакой Лианем, но все равно! В никуда я тебя отправить не могу! А уходить все равно нужно далеко, иначе этот поганец Тарак тебя найдет.

– Но теперь и вам оставаться здесь небезопасно! Кто его знает? Решит, что это вы виноваты в моем уходе, и прибьет! И не посмотрит, что вы знахарка!

Она заерзала на месте и упрямо сжала губы:

– Уж с Тараком я как-нибудь разберусь! Чай, не впервой.

– Лианем, но ведь я ничего не знаю о мире вокруг, хуже малого дитя! Без вашей помощи добраться до Бравеля будет

невыполнимой задачей! – я просительно смотрела на женщину и надеялась, что она согласится уйти вместе с нами.

Я этого хотела не потому, что боялась отправляться в путь одна, хотя и не без этого, я боялась, что Тарак в запале после известия о моем побеге прибьет старушку, а такого я себе никогда не прощу! Это единственный человек, который в этом мире стал для меня опорой с первых минут и поддерживал в самые сложные и неоднозначные моменты!

– Так уж и невыполнимой, – невесело усмехнулась женщина. – Ты сама еще не знаешь, на что способна. Доберешься и Лейку нашу доведешь. А я никуда не пойду. И не проси.

Тяжело встала и пошла в угол, в котором лежали освещенные в храме, засушенные и красиво выложенные на белой ткани в честь этого цветы. Этот своеобразный натюрморт заменял местным иконы. Они здесь тоже были, но только у богатых, потому что стоили немалых денег. Сделала круг вокруг сердца – аналог нашего крестного знамения – и начала тихо молиться.

Ох, Лианем-Лианем, что же так тебя гнетет? И ведь мне так и не суждено будет это узнать и облегчить твою душу.

– Тпру-у-у! У-у-у, бешеная кобыла! – послышалось с улицы, и мы, переглянувшись, поспешили во двор.

Вышли из дома и увидели входящего в калитку Леба! Мы все не раз вспоминали его добрым словом после той встречи и его подарков, а потому были искренне рады его видеть.

– Дядя Леб! – выбежала из-за угла Лея, и мужчина под-

хватил ее на руки.

Неудивительно, что девочка прониклась к нему симпатией. Все-таки он вручил ей на прощание настоящий леденец на палочке и сладкий крендель.

– Ну, здравствуйте, хозяйюшки! – улыбался он. И было заметно, что он тоже очень рад нас видеть. – Как вы тут живете-можете?

– Здравствуй, Леб! Рады тебя видеть! Ты какими судьбами здесь?

– Да вот решил к вам в гости заехать, проведать Лею, – он, не спуская девочку на землю, засунул руку за пазуху и достал леденец. – Держи, малышка!..

Получив лакомство, она начала тут же освобождать его от тряпицы, в которую мужчина его завернул, и Леб спустил ее на землю.

– ...А я смотрю, вы не появляетесь в селе ни в одни выходные, ни в другие. Дай, думаю, сам к вам в гости съезжу. Не так тут и далеко, – вернулся к телеге и достал корзину. – Вот, гостинцев вам привез!

– Тебя сам Пресветлый прислал! – на глазах Лианем появились слезы, и она утерла их краешками платка.

– Что случилось? – мужчина сразу понял, что это не слезы радости от его приезда, и улыбка с его лица пропала.

Он переводил вопросительный взгляд с меня на знахарку.

– Пошли в дом. Там поговорим, – махнула рукой Лианем.

А когда вошли, мужчина огляделся и спросил:

– Куда-то собираетесь?

– Собираемся, – ставя для гостя к столу кое-как починенный табурет, тяжело вздохнула Лианем. – Садись вот, в ногах правды нет...

А затем женщина рассказала ему о приставаниях пирата и о том, что пока тот в отъезде, я хочу уехать как можно дальше. О моей беременности она так и не заикнулась, а пока под мешковатым платьем мой еще небольшой живот не виден.

– ...Так что бежать девочке нужно отсюда! Вот собираемся, – помолчали.

– А Лея? – внезапно спросил он.

– Лея пойдет со мной, – твердо ответила я.

– Куда же вы собираетесь бежать?

Мы с Лианем переглянулись. Называть пункт конечного назначения нам не хотелось.

– Пока пойдем в село, а там будем искать торговый караван, к которому можно будет прибиться, – озвучила я, не называя конкретных мест.

– Из вашего села отследить караваны – раз плюнуть. Я предлагаю довести вас до Лейвица. Это небольшой город рядом с тем селом, где я живу. Там найти подходящий караван, тогда затеряться будет легче.

– Спасибо! – выдохнула я с облегчением. С плеч будто гора свалилась. Все-таки хоть часть пути уже более ясна, да и под защитой Леба путешествовать не так страшно. – Мы с удовольствием примем твою помощь.

Происходи это в моем мире, я бы только посмеялась над подобными опасениями, но не здесь.

– Только, Леб, никто не должен знать, что мы уходим с тобой. Зачем тебе такие проблемы? – и увидев, что мужчина набычился и явно собрался что-то возразить, быстро добавила: – Пусть думают, что мы пешком ушли. Это собьет с толку.

Он передернул плечами и нехотя согласился.

– Чтобы я еще каких-то пиратов боялся? Я, между прочим, солдатом Его Величества был, а не каким-то там пахарем!

На том и порешили.

А после обеда Леб укатил, снова проехав через всю деревню, но, как и утром, нигде не остановился. Уж очень его Лианем об этом просила – боялась, что его просветят о том, что я беременна. Потерять такого помощника очень не хотелось и мне.

А рано утром, еще до восхода солнца, мы с Леей уже по дуге обходили деревню, чтобы незаметно выйти к просеке, где по уговору нас должен был дожидаться Леб. Все необходимое мы загрузили в его телегу еще вчера, поэтому сегодня шли с небольшими котомками за плечами.

Позади оставались берег, на который меня выкинуло по воле судьбы, негостеприимная деревня и ее застрявшими в своей косности и нетерпимости жителями, пират с его собственническими замашками и односторонней любовью и Лиане.

нем, расставание с которой бредило душу и заставляло постоянно оглядываться в надежде увидеть ее маленькую фигурку, которая машет нам на прощание с пригорка.

Однако одно я знала точно: сегодня начинается новая веха моей жизни. Не знала, какой она будет, но с надеждой смотрела в будущее и прижимала к себе свое солнышко – Лею, которая быстро заснула под мерный скрип колес телеги.

ГЛАВА 10

Караван медленно петлял по дороге. По словам бывалых, скоро должна появиться стоянка. И это вовсе не трактир или постоялый двор, а обычная поляна. За время пути мы с Леей уже к такому привыкли и споро помогали нашему очередному вознице разбить лагерь.

Приготовлением пищи занимались все по очереди, и сегодня, к счастью, была не моя. Что-то я устала. Постоянно ехать в телеге не получалось – местами дорога слишком ухабистая и трясет так, будто душу из тебя хочет вытрясти. Поэтому приходится идти пешком и за день прошагать немало.

Но сейчас дорога ровная, и я сидела позади возницы, а Лея привалилась к моему боку. Даже ее уже вымотала эта нескончаемая дорога. Радовало одно: завтра к обеду прибудем в Бравель.

Невольно я вернулась мыслями к началу путешествия.

Сразу же, как выехали из деревни, Леб отправился в село. Нам там светиться не стоило, поэтому, не доезжая до него, мужчина нас ссадил. Мы с ним договорились после обеда встретиться за околицей, и обошли с Леей село стороной. Лебу нужно было забрать своих людей и обоз. Это к нам он приехал один, а на самом деле имел при себе помощника и даже охрану, без которой на дорогах небезопасно.

Никаких проблем с тем, чтобы дождаться мужчину, у нас не возникло. Мы просто прятались в лесу у дороги, а когда увидели знакомое лицо, вышли. Леб выдохнул с облегчением, увидев нас – мы отошли немного дальше оговоренного места, потому что оказалось, что прятаться там негде. Снова усадив нас в телегу, полную товара и заботливо укрытую рогожей, он тронул поводья. Охранники – два широкоплечих парня – смерили нас с Леей подозрительно-любопытными взглядами, а его помощник на другой телеге, казалось, хотел просверлить у меня в затылке дыру – так ему было любопытно, кто мы такие и откуда взялись.

Ехать пришлось два дня, и когда мы прибыли в село, где жил Леб, я поняла, в какой глуши мы в действительности жили до этого. Дома здесь были гораздо больше и выше, явно скрывая высокие потолки, улицы шире и чище, люди одеты более опрятно и красиво. Да даже заборы выглядели как заборы, а не покосившиеся убожества. Невольно напрашивался вопрос: что же я увижу в городах? Появилась надежда, что уровень жизни здесь гораздо выше, чем показалось поначалу.

– Вот! Смотрите! – улыбаясь, открыл он перед нами ворота в свой просторный двор.

Меня впечатлило, как хорошо у него все обустроено: чисто, аккуратные сараи по периметру двора, разнообразная живность и большой дом, рассчитанный на большую семью. Мне стало неудобно в своем непритязательном наряде и с

тощей котомкой за спиной.

Мы въехали во двор, следом втянулась телега с помощником Леба. Из дома тут же выбежала пожилая тучная женщина в белом платке, украшенном затейливой вышивкой.

Лианем как-то меня просветила, что в деревнях до сих жив обычай украшать платки такой вот специальной вышивкой, а знающие люди могли прочесть по такому платку о семейном положении женщины, сколько у нее детей и даже какого они пола, женаты или замужем и сколько народили своих детей. Такие платки вышивались в течение всей жизни и считались гордостью хозяйки. И мать Леба явно вышла именно в таком.

– Сын! Как дорога? Как прошла торговля? – она засыпала его вопросами, после того как расцеловала.

– Мама, все хорошо! – немного смутился он. – Вот, знакомься, это Аника и ее названная дочь Лея. А это моя мать – госпожа Кавельде.

По заведенному обычаю, мы поклонились женщине, а она, как более старшая и уважаемая, кивнула нам, придиричиво оглядела и чуть скривились. Мы явно не пришли по душе этой женщине, но нас с Леей разместили в просторной комнате, где я с удовольствием повалилась на самую настоящую кровать! Не на печь, сундук или лавку, а кровать, пусть и с матрасом, набитым сеном! Какое же это удовольствие для уставшего путника! А я еще и заезжать не хотела. Но Леб заявил, что никаких пиратов не боится, да и сбили мы его со

следа своими стараниями.

Я скептически отреагировала на это заявление, но причина был настроен решительно, и я уступила. У меня теплилась надежда, что отследить нас до этого места Тарак не сможет, а вернее – не захочет...

Мы отдыхали у Леба целую неделю. Но он даже не пошел, чтобы отправиться в город и разузнать о караванах. И меня не пускал, говоря, что вот-вот освободится и сам туда съездит.

Госпожа Кавельде с каждым днем смотрела на нас с Леей все угрюмее и отвечала резче, хотя я и старалась как можно меньше обременять хозяев и всячески помогала, но ее это раздражало еще больше. А еще я опасалась, что мое интересное положение скоро перестанет быть тайной и, как все обернется в таком случае – большой вопрос.

Когда приехали в дом Леба, я сильно удивилась, что он не женат. Мне почему-то казалось, что у него уже как минимум семеро по лавкам сидят. Я не сомневалась, что даже несмотря на его увечье, желающих выйти замуж за человека с таким крепким хозяйством тьма!

На седьмой день я не выдержала и, перехватив мужчину во дворе, буквально приперла его к стенке:

– Леб, что происходит? – Он сделал непонимающее лицо. – Я тебе безумно благодарна за то, что ты помог нам

уехать из деревни, но сидеть у тебя на шее и дальше не могу!

– Аника, ну на какой шее?! Мне ведь это ничего не стоит... – возмутился мужчина.

– Хорошо, пусть так, но ведь нам уже пора и честь знать. И если тебе некогда, то просто скажи, и мы сами съездим в город и все разузнаем! Ты же каждый день твердишь, что вот-вот туда отправишься, что нам нет смысла самим тащиться в такую даль, а на деле ничего не меняется!

– Ну куда вам торопиться? Побудете у меня лишние день-два, какая разница?

На улицу вышла его мать и так зыркнула в нашу сторону, что никаких слов не надо. Я лишь выразительно перевела на мужчину взгляд. Ну, не ябедничать же, право слово, о том, что последние дни госпожа Кавельде делает все, чтобы показать, что мы с Леей нежеланные гости. Да и жаловаться мне не на что, разве объяснишь мужчине нюансы, которые делают жизнь у него малоприятной? Его мать разве что вслух не говорит «Что-то вы у нас загостились», и я могу ее понять. Небось, для любимого сыночка уже давно невеста с хорошим приданым и уважаемыми родителями припасена, а он тут непонятную оборванку с дитем привез и посматривает так, что закрадываются подозрения.

– В общем, так, Леб, я узнавала: завтра сосед едет распродаваться в город. Я с ним поеду.

– Не нужно, – хмуро ответил он и поглядел странно. – Пошли. Поговорить нужно, – и повел меня в дом, в свой каби-

нет.

До этого я здесь не была, и меня приятно удивило просторное светлое помещение, пусть и захламленное по углам. А вот поведение Леба насторожило. Он как-то занервничал, засуетился. Сначала прошел и сел за свой стол, потом подскочил, кинулся к свободному стулу, подставил его мне, а когда я присела, не вернулся за стол, а, взяв еще один стул, устроился на нем напротив и замолчал, явно собираясь с мыслями. Наконец, когда я и сама не на шутку разнервничалась, он, утерев платком выступивший пот, начал:

– Аника, я хотел бы... Я тебя того... Ты мне этого... – по мере этого косноязычного монолога, мужчина искоса на меня поглядывал, а мои брови ползли вверх. – Я хочу, чтобы ты, то есть мы, то есть... В общем, вот! – и достал из-за пазухи браслет.

Я даже поначалу и не поняла, зачем он это сделал. Ну, браслет и браслет. Чего он мне его показывает? А потом до меня начало доходить! Это же брачный браслет! Очень уж у него красноречивая форма звеньев. Я уже успела узнать, что такая форма характерна для всех брачных браслетов, сделанных и для бедных людей, и для богатых. Отличается только материал и камни, которыми его можно украсить.

Я подняла на мужчину недоумевающий взгляд. Он что, делает мне предложение? Или я чего-то не понимаю?

– Аника, выходи за меня замуж, – наконец, озвучил Леб. Я обескураженно заморгала. Не то чтобы я не видела в нем

мужчину или считала слишком старым. Просто почему-то с самого начала причислила в разряд «не мой мужчина», скорее уж дядюшка. Почему и как это произошло, я и сама не могла себе точно ответить, но сейчас, глядя на него, отчетливо понимала, что не вижу себя рядом с ним ни по жизни, ни в одной постели. Однако проблема сейчас была даже не в моем нежелании выходить именно за него замуж. Даже захоти я это сделать, все равно ничего бы не вышло.

Отчего-то стало жутко стыдно, что я скрывала свою беременность и что живу в его доме, можно сказать, обманом. Как-то вдруг накатило ощущение неправильности происходящего, захотелось убежать отсюда: из этой комнаты и из этого дома. Но понимание того, что и это тоже будет неправильным, окончательно выбило из колеи. А еще очень не хотелось увидеть его отвращение и презрение, когда мужчина узнает правду. Мысли метались, гормоны бушевали, и я сама не заметила, как на глаза навернулись слезы, и я всхлипнула.

– Эй, ты чего? – тут же подскочил Леб и закружил надо мной, не зная, то ли обнять, то ли не обнять, то ли просто погладить руку, то ли и этого делать не стоит. – Что случилось-то, а?

А меня это его поведение совсем расстроило и растрогало, и я разрыдалась. Достала платочек и уткнулась в него лицом.

Леб, наконец, перестал надо мной кружить и, присев на стул, стал растерянно на меня таращиться, явно не зная, что сказать или сделать.

Когда мне удалось обуздать эмоции, я, поглядев мужчине в глаза, сказала:

– Я беременна, Леб. Скоро уже четыре месяца будет. Кто отец – не знаю, потому что не помню себя до того, как меня выбросило на берег в деревне. Так что... – я отвела взгляд, не желая видеть на лице мужчины презрение и разочарование. – Я пойду. Если... – но договорить я не успела.

– Я знаю.

Я так и плюхнулась обратно на стул, не успев подняться.

– То есть как? – уставилась на мужчину во все глаза.

Он сидел напротив и очень серьезно на меня смотрел.

– Фаинка просветила, когда я от вас ехал. Специально ведь от работы оторвалась, стервь, чтобы со мной за околицу проехаться. О муже вспоминала и мне глазки строила и намеки делала.

– И ты все равно остался нас ждать и не уехал... – и даже взглядом не выдал, что все знает. И тут же возник вопрос: – Почему?

– Потому что я солдат, Аника, и видел такое... Разное я видел... И как могут забеременеть такие светлые девушки, как ты, тоже видел.

Я сглотнула отчего-то появившийся ком в горле и тихо сказала:

– Я не помню, как все было...

– Может, это и к лучшему, – помолчали. – Так что, пойдешь за меня? Я ведь не старый совсем, чтобы ты там себе

ни думала!

– Леб... – начала и осеклась.

Обижать такого хорошего человека отказом? Да и что меня ждет там, впереди? Удастся ли устроиться? Я ведь не одна еду. И кому нужна беременная с еще одним ребенком на руках. А так будем жить в тепле и достатке за спиной мужа. Как соблазнительно...

Вот только долго ли это продлится? Он ведь часто ездит торговать в то село, где мы познакомились, а там очень быстро станет известно о том, на ком он женился, если Тарак не найдет меня раньше. И тогда...

Что-то мне подсказывало – тогда получится, что отплачу я за доброту и заботу этому хорошему человеку черной неблагодарностью. Тараку убить – раз плюнуть, а в бешенство он впадает быстро. Да и здесь, в доме, мира ни мне, ни Лебу не будет, а уж моим детям и подавно. Его мать очень ясно демонстрирует, что такой невестки, как я, ей не нужно. Она даже в качестве гостыи терпит меня с трудом.

Только ведь не примет он этих аргументов! «Я же солдат королевской армии!» – передразнила я его мысленно. Так и сгинет ни за что ни про что...

– Леб, а почему ты до сих пор не женился, ведь давно уже с военной службы вернулся?

Он посмотрел на меня удивленно, а потом смешался.

– Я когда вернулся, хозяйство в запустении было, ты не смотри, как сейчас все выглядит, тогда ничего этого не было.

Рука, вон, не двигалась, кому я такой был нужен? А потом... Потом некогда было, да и тошно глядеть на их ужимки. Я ведь помню, как бабы на меня смотрели, когда ничего этого не было.

– Но мать ведь нашла уже тебе невесту.

– И что? – враз набычился мужчина, подтверждая мои мысли. – Она мне каждую неделю новую предлагает.

– А то, что не примет она меня. Тебе в доме нужна война? – и, остановив его на полуслове, приложив ладошку к его губам, продолжила. – Хватит, Леб, ты уже навоевался, и в доме тебе нужны мир и покой.

Я убрала руку, но он перехватил мои пальцы.

– Я поговорю с матерью. Уверен, она примет мой выбор! Да и не мальчик я, чтобы от материнского слова зависеть!

Я смотрела ему в глаза и видела, что никакие мои аргументы не будут услышаны. Но уж лучше я стану гадиной, которая не согласилась выйти за него замуж, чем хорошей девушкой, из-за которой погибнет человек, а жизнь моих детей встанет под вопрос. И вообще, в душе внезапно поселилось стойкое ощущение, что я опаздываю, что должна была уже неделю быть в пути, а сама купилась на комфорт и покой и бездарно трачу предоставленную мне фору.

– Я не выйду за тебя, – выдавила и вытащила из его хватки свою ладонь, не в силах поднять на него глаза. – Прости, – и направилась на выход.

– Аника, не глупи. Мы еще не договорили, – остановил

меня окрик Леба у самой двери. Я обернулась, но ручку двери так и не выпустила. Брови мужчины оказались сведены, а пальцы нервно теребили бороду. – Дело только в матери?

И вот что ему ответить?

– Не только, – повисшая тишина ощутимо давила на плечи.

– Значит, я сам тебе не мил, – еще больше посмурнев, опустил он голову.

– Леб, ты очень хороший человек и можешь составить счастье любой женщине. Я таких, как ты, еще не встречала. Но сейчас обстоятельства складываются так, что я не могу остаться здесь, а значит и принять твое предложение.

– Все же боишься этого пирата... Не веришь, что смогу защитить...

– Прости, Леб, но ты один, а у него целая команда головорезов. А я хочу найти место, где спокойно смогу родить и растить своих детей, не опасаясь, что завтра за мной придут, а моих близких подвергнут опасности.

Несколько минут в комнате стояла тишина, и я уже подумывала тихо выйти за дверь, но тут мужчина очнулся от своих размышлений:

– Аника, куда ты планируешь ехать?

– В... – я запнулась буквально на секунду, но этого времени мне хватило, чтобы понять, что говорить конечную точку своего путешествия не стоит. – В Вару. – Этот город в стороне от пути на Бравель, куда я направлялась на самом де-

ле, и как промежуточная точка для замечания следов вполне подходил.

– Вара... – протянул он. – А знаешь, у меня недалеко от этого города друг живет с семьей. Они могут приютить тебя ненадолго, а там и история с пиратом забудется, раз ты его так боишься. Не будет же он тебя годами искать? А потом... – он замялся. – Ну, потом видно будет.

Но по его глазам было видно, что потом он планирует снова меня забрать и сделать предложение. Очень рассудительный и последовательный мужчина. Не зря у него дела идут на лад.

Только вот чем я ему так приглянулась, что он готов вот так сразу взять и жениться на бедной сироте, в приданом у которой двое детей? Не понимала. Что бы там ни думали, а селяне – народ, который свою выгоду не упустит, и женятся здесь, глядя на придание, а вовсе не на красоту невесты. А Леб – купец, и укрепить свои позиции за счет невесты ему сам Пресветлый велел. А потому вопрос сам сорвался с моих губ:

– Леб, зачем тебе я? У меня ведь ни приданого, ничего. Одни проблемы за пазухой!

Он остро на меня взглянул.

– Это уж я сам буду решать, что и кто мне нужен. – И стукнул раскрытой ладонью по столу. – Ладно. Завтра утром поедem все вместе в город. Караваны на Вару часто ходят, чуть ли не каждый день. Найти подходящий не составит тру-

да. Так что переночуем там, и отправлю вас с Леей в путь.

На том и порешили, и я отправилась собирать наш невеликий скарб в дорогу.

А перед ужином мне удалось услышать интересный разговор, который примирил меня с тем, что я не сказала правды Лебу и вообще собиралась сбежать и от него.

– Леб, ты что, совсем умом рехнулся? – шипела рассерженной кошкой госпожа Кавельде. – Предложение этой голодранке делать?!

– Мама, ты не хуже меня знаешь, что дурак, будучи калеккой, не смог бы поднять наше хозяйство и сколотить капитал! – рявкнул на это сын.

– Ну, сынок, – тут же сбавила обороты мать, – но как же понимать твоё желание жениться на этой... этой...

– А так и понимай! Вот ты умеешь читать? А писать?

– Да кто ж такому у нас учит? Ты вон, на своей службе хорошо научился цифирью пользоваться, даже что-то пишешь! У нас мало кто так может! – закончила она с гордостью в голосе.

– А Аника может, – припечатал он. – Сам видел, как она бегло прочитала письмо, которое ей Лианем дала. И как она рисовала буквы на песке для Леи – тоже видел! А значит что?

– Что?

– Значит она из благородных, вот что!

– Как же так-то?

– А вот так! Не удивлюсь, если она и магией обладает. Вот

тебе магически одаренный внук нужен?

– Фи... Да какая там у нее магия, какая благородная? Уже бы давно себя проявила, да и по дому она никакой работы не гнушается!

– Не помнит она себя, вот и весь сказ! Я же тебе уже об этом говорил! – раздраженно ответил мужчина. – Да и нравится она мне! Ты ее волосы светлые видела? Они словно корона на солнце сияют! А как смотрит!

– Ишь ты, и когда ты эту корону разглядеть-то успел под платком-то? – язвительно поинтересовалась мать.

– Когда надо, тогда и успел.

– Все вы мужики падки на красивое личико, а смотреть надо на...

В этот момент в дом вошел помощник Леба и громко позвал хозяев. Я отступила глубже в коридор и вздохнула. Знать истинные мотивы всегда предпочтительнее, чем ошибаться.

Город Лейвиц, куда мы приехали на следующий день, особенно ничем не удивил. Обычный средневековый город. Правда, более чистый и опрятный, нежели можно было представить. Да и люди вполне довольные жизнью, но канализации им здесь явно не хватает. Как объяснил Леб, магические артефакты частично помогают справиться с городскими отходами, но лишь в центре. На окраине, где мы устроились

в небольшом трактире, магическими артефактами и не пахло, а потому с улицы явственно несло помоями. А куда еще их здесь выливать? По крайней мере, этот вопрос мне задал Леб, когда я пожаловалась на вонь.

Там же в трактире, который славился тем, что в нем оставались купцы средней руки, он и нашел тех, с кем можно было договориться взять нас в караван. И, как оказалось, один такой как раз завтра и направлялся в Вару.

Леб оставил помощника заниматься делами, а сам провел весь день с нами, показывая город и рассказывая забавные истории. Он много улыбался, угощал нас сладостями, в общем – ухаживал. И я не скажу, что мне это не понравилось.

И смотреть на довольную мордашку Леи тоже было радостно. А ей было интересно решительно все! И неудивительно, ведь ребенок впервые попал в город, да и вообще выбрался дальше соседнего села. Мне самой все было безумно интересно! А еще ей каким-то непостижимым образом удалось передавать мне свою радость! Я это поняла не сразу и даже успела удивиться некой дуальности собственных эмоций.

Однако, в очередной раз глянув в полные счастья глаза девочки и вспомнив, как она умеет слышать и «просить» животных что-либо сделать, пришла к выводу, что малышка непроизвольно транслирует мне свои эмоции! Присмотревшись к Лебу, я поняла, что он эмоции девочки «не слышит». Получается, она может их передавать только тем, кто «слы-

шит»? Или это получается у нее произвольно?

Это открытие удивило и насторожило одновременно. Ведь чем сильнее будет ее дар, тем вероятнее об ее одаренности узнают чужие. И что тогда делать? Понятно, что ребенку нужно учиться, но ведь у меня на это нет денег, да и обеспечить ей безопасность я не в состоянии.

Впасть в уныние мне не дала сама девочка, вопросительно заглянув в глаза и снова поделившись своей радостью.

А может, она все же может это контролировать?

Как только начало смеркаться, мы вернулись в трактир. Лея так устала, что заснула на руках Леба еще на подходе. Он поднялся на второй этаж, где снял нам комнату, отказавшись брать за это плату, и уложил ее в постель.

– Я пойду ужин закажу, – помявшись на пороге, сказал он. – Лучше будет поесть в комнате, вечером в трактире куча народа.

– Да, конечно! – тут же согласилась я, не горя желанием ловить на себе мужские взгляды. Хотелось просто поесть и отдохнуть.

– Тогда лучше поужинаем в моей комнате, чтобы не разбудить Лею.

Я посмотрела на сладко спящую девочку и кивнула.

– Пусть спит, не будем ее тревожить.

Пока мужчина ходил делать заказ, я раздела Лею, укрыла одеялом и поцеловала в носик, отчего она смешно поморщилась и, причмокнув губами, перевернулась на другой бок.

– Все-все, не мешаю, – прошептала я, улыбаясь, и вышла в коридор, где встретила Леба, который как раз поднимался по лестнице.

– Ужин сейчас принесут, – сказал он и открыл свою дверь. Комната ничем не отличалась от нашей с Леей: маленькое окошко с мутным стеклом, кровать с соломенным матрасом, небольшой стол, свеча, которую Леб зажег, и табурет.

Только тут до меня дошла двусмысленность ситуации: я ведь сама на ночь глядя пришла в комнату к одинокому мужчине! Но идти на попятный было как-то неудобно. Вряд ли Леб имел в виду что-то неприличное, когда приглашал меня на ужин. Наверное...

Неловкость, повисшую в комнате, прервал стук в дверь – принесли ужин. Краснощекая объемная служанка споро выставила еду с подноса на стол и, хмуро нас оглядев, вышла прочь.

Кашлянув, Леб отодвинул для меня табурет, а сам сел на кровать.

Во время ужина стесненность ушла, Леб снова шутил в своей неловкой манере, попытался налить вина, но я категорически отказалась, прикрыв ладонью кружку, а когда собралась уходить и встала со стула, поднялся и ухватил за руку. Я перевела удивленный взгляд с его руки на лицо и увидела в его глазах ожидание и неприкрытое желание.

Я даже испугалась – не ожидала от Леба ничего подобного, отступила на шаг и попыталась высвободить руку. Но

мужчина не пустил, сжав запястье сильнее, однако, прикрыл глаза, а когда снова на меня посмотрел, в них уже не было пугавших меня чувств, лишь сосредоточенность:

– Прости, Аника...

Я все же высвободила руку и выдавила улыбку:

– Тебе не за что извиняться.

В его глазах мелькнула досада.

– Подожди, не уходи.

Потянулся за пазуху и снова достал злосчастный брачный браслет.

– Леб... – я виновато отвела глаза.

– Я знаю. Просто хочу хоть немного помочь. Поверь, с ним на руке тебе будет гораздо проще. Можешь всем смело говорить, что вдова. Только священник сможет понять, что он не освящен брачными узами. Магия... – и протянул его мне.

А я... Я не смогла не взять. Такой браслет ведь не продадут женщине. Его может купить только мужчина. Это непреложная традиция. А он и правда очень мне пригодится, чтобы избежать лишних вопросов и неприятностей. Путь ведь неблизкий, да и в Бравеле вдове с таким браслетом устроиться будет гораздо проще.

– Спасибо! – искренне поблагодарила я и... поцеловала его в щеку.

Рано утром мы ехали с небольшим караваном в Вару.

Лишь гораздо позже я узнала, что через три дня после моего отъезда, Леба навестил Тарак. Купца спасло то, что его мать сразу подняла шум, призывая в помощь соседей, а как услышала, что им нужно, сразу же меня выдала и рассказала, куда я направилась. Мужчина отделался лишь сломанным носом, да слегка помятыми боками.

ГЛАВА 11

До Вары мы добрались уже на вторые сутки пути. Город был поменьше Лейвица, но – по первому впечатлению – уютнее.

Еще по дороге я успела расспросить спутников о том, где можно найти попутные караваны и разузнала примерные цены. Разумеется, я никому не рассказала о том, куда хочу дальше ехать, и спрашивала обо всех направлениях, вроде как ради интереса, заодно пополняла сведения о географии этого мира.

Выходило, что напрямую до Бравеля из Вары нам не добраться. Но эту новость я приняла даже с радостью, надеясь, что получится запутать следы еще больше. Интуиция буквально вопила о том, что опасность все еще близко. Никогда раньше такого не испытывала. Вернее, к интуиции, конечно, прислушивалась, но чтобы она вопила так сильно, еще не было.

Узнала я и о примерных ценах на проезд в разных караванах и подсчитала, что тех денег, что мне удалось заработать в артели, и тех, что буквально силой всучила нам Лианем, с лихвой хватало добраться до Бравеля и даже снять там на первое время комнату. Это радовало.

Осталось только хорошенько замести следы.

А потому, расставшись с доставившими нас в город караванщиками, мы первым делом отправились не в трактир, в котором можно было найти купцов, а в ближайшую подворотню. А там я достала специальный настой, который мы с Лианем варили специально для этих целей из кожуры каштана, и протерла им лицо. Противно – жуть! Его неровная осклизлая консистенция делала процесс нанесения до одури противным. Хорошо, не воняла. Пришлось подождать, пока масса высохнет, но своей цели я добилась – кожа из светлой и чистой превратилась в рябую маску, убавившую привлекательности и прибавившую мне десяток лишних лет. Складывалось впечатление, что все лицо покрыто родимыми пятнами так, что за ними самого лица не видно. Смыть эту «красоту» можно будет большим количеством воды или лосьоном, который мы тоже предусмотрительно сделали. Светлые волосы скрыты под платком, а вот голубые глаза никуда не денешь.

Лею тоже замаскировала. Ее волосы спрятать было невозможно – рыжие пружинки так и норовили вылезти из-под платка, но они уж слишком приметные, а потому мы с Лианем решили сделать малышку мальчиком и перед самым отъездом подстригли ей волосы. До семи лет в деревнях дети носят одинаковые штаны и рубахи, поэтому когда я сняла с девочки платок и надела ей на голову кепку местного покроя – из девочки Леи она стала мальчиком Леем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.